Белоконский И. П.

На высотах Кавказа

И. П. Бѣлоконскій.

На высотахъ Кавказа.

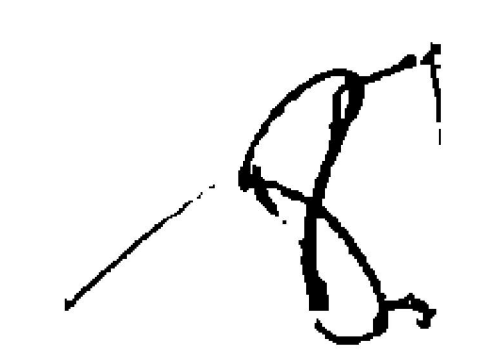
Путевыя замѣтки и наблюденія

I т.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ.
Москва.—1906 г.

I.

Нальчикъ.—Балкарія.

Кто былъ въ Крыму или на Кавказѣ, тотъ испыталъ, несомнѣнно, томительность переѣзда по однообразнымъ степямъ, тянущимся отъ Курска до самаго подножія Крымскихъ и Кавказкихъ горъ. По Владикавказской желѣзной дорогѣ невыносимо скучная степь эта немного разнообразится, начиная отъ Таганрога, видомъ Азовскаго моря и р. Дона; затѣмъ между станціями „Кавказскою" и „Невинномысскою"—видами р. Кубани, а близъ станціи „Минеральныя Воды" показываются, наконецъ, горы, при чемъ особенно хорошо видны уединенныя отъ общаго хребта вершины Пятигорскаго округа: Зміевая, Бетшау, Машукъ и т. д. [1]).

---

[1]) Въ ясное утро тотчасъ за станц. «Невинномысской» и даже немного не доѣзжая ея начинаетъ виднѣться Эльбрусъ, а за ст. «Минеральныя Воды» показывается весь снѣжный хребетъ, видный такъ рельефно, какъ, кажется, нигдѣ. До восхода солнца снѣжные великаны, особенно Эльбрусъ, вырисовываются на небѣ, какъ бѣлыя привидѣнія, такъ что сначала принимаешь ихъ за облака, но, какъ только зарумянится Эльбрусъ, и другія снѣжныя горы выдѣляются все явственнѣе и явственнѣе и, наконецъ, освѣщенныя первыми лучами солнца, показываются во всемъ своемъ величіи и красотѣ; подъ голубою дымкою совершенно

За „Минеральными Водами" Владикавказская железная дорога проходитъ черезъ большія горныя рѣки: Куму, Малку и—у самой станціи „Котляревской" — Терекъ.

Эта послѣдняя станція и была моимъ конечнымъ пунктомъ: отъ нея мнѣ надо было проѣхать 46—47 верстъ на лошадяхъ въ древнюю столицу Большой Кабарды, а нынѣ слободу Терской области—Нальчикъ.

Въ словарѣ Брокгауза и Ефрона разстояніе до Нальчика (50 вер.) показано отъ предшествующей станціи „Котляревской"—„Прохладной", но теперь, насколько мнѣ извѣстно, отъ „Прохладной" никто не ѣздитъ, потому что отъ нея до Нальчика и дальше и дорога хуже; отъ „Котляревской" же имѣется, хотя и плохое, выложенное щебнемъ шоссе, а черезъ рѣки существуютъ мосты, вслѣдствіе чего проѣздъ, за рѣдкими исключеніями, всегда обезпеченъ, что на Кавказѣ случается не часто: стóитъ въ горахъ пройти хорошему дождю, или въ сильные жары усилится таяніе снѣговъ и льдовъ на вершинахъ, или загромоздитъ гдѣ-либо воду обвалъ, и мельчайшіе ручьи, не говоря о рѣкахъ, представляютъ въ такихъ случаяхъ непреодолимыя препятствія [1]). Но если отъ „Котля-

---

ясно видны розоватые снѣга горъ и особенно отчетливо видна вся вершина Эльбруса во все время отъ «Невинномысской» до ст. «Котляревской.» А вѣдь до него отъ линіи желѣзной дороги не менѣе 200 верстъ.

[1]) Такъ, въ августѣ 1902 года, по неизвѣстнымъ причинамъ, вышла изъ береговъ р. Урвань, идущая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ параллельно дорогѣ отъ «Котляревской» до Нальчика, и чуть было не прервала сообщенія, несмотря на существованіе шоссе и мостовъ.

ревской“ путь удобнѣе, то сама станція не представляетъ ровно никакихъ удобствъ. На ней вы можете получить лишь сомнительнаго качества чай съ черствымъ хлѣбомъ и больше, пожалуй, ничего. А между тѣмъ здѣсь сходятъ сотни пассажировъ и, казалось бы, прямой матеріальный расчетъ—имѣть сносный буфетъ или близъ станціи завести торговлю необходимыми продуктами. Такъ вотъ, подите же — нехватаетъ и на это предпріимчивости!

Невольно припомнился мнѣ при этомъ Западъ: что бы сдѣлали здѣсь швейцарцы, нѣмцы, англичане! И напоили бы, и накормили, и снабдили бы всевозможными литературными свѣдѣніями и фотографіями, не говоря уже, конечно, объ устройствѣ удобныхъ путей сообщенія [1]). А изъ „Котляревской“ вы не всегда можете скоро уѣхать и совершенно не знаете, сколько придется уплатить за проѣздъ до Нальчика. Всякій, отправляющійся въ эту слободу, считается „курсовымъ“, т.-е. ѣдущимъ

[1]) Не странно ли, что въ западно-европейской литературѣ (напримѣръ, у Бедекера) существуютъ весьма подробныя свѣдѣнія о Нальчикскомъ округѣ, куда ежегодно пріѣзжаютъ европейскіе альпинисты, чтобы пробраться къ высочайшимъ вершинамъ округа, превосходящимъ не только вершины Европы, но Африки и западной Азіи, а у насъ имѣются лишь темные слухи объ этомъ интереснѣйшемъ уголкѣ во всемъ сѣверномъ Кавказѣ. Что касается путей сообщенія, то, несомнѣнно, европейцы утилизировали бы для добыванія электрической силы невѣроятно мощную, неизсякаемую силу горныхъ рѣкъ, какъ Баксанъ, Черекъ, Урвань и др., протекающія въ самомъ недалекомъ разстояніи отъ станціи «Котляревской» и пересѣкающія много разъ дорогу въ Нальчикъ. Сколько этой водной силы гибнетъ на Кавказѣ!

лѣчиться, а „курсовые“, по мнѣнію и извозчиковъ и всего населенія, обладаютъ большими средствами. Поэтому съ васъ заламываютъ очень чувствительную сумму, и, чтобы не платить ея, надо запастись стойкостью и торговаться, или ѣхать на почтовыхъ, что обходится около четырехъ рублей.

Мнѣ, однако, повезло, такъ какъ на станціи были и частные ямщики, и почтовыя обратныя лошади, и два пассажира. Съ послѣдними я и уѣхалъ, нанявъ рессорный экипажъ за шесть рублей, т.-е. по два рубля съ человѣка.

Чудное іюльское утро заставило забыть всѣ вагонныя и станціонныя испытанія, и я всецѣло предался созерцанію природы предкавказья. Очень скоро вдали, на горизонтѣ степи, въ безоблачномъ голубомъ небѣ ясно вырисовалась громадная цѣпь снѣжныхъ вершинъ на протяженіи отъ Казбека до Эльбруса. Не мало пришлось мнѣ видѣть горъ: былъ я въ Крыму, и въ Алтайскихъ горахъ, и въ Саянскихъ, и въ швейцарскихъ Альпахъ, но все же кавказскіе великаны сразу произвели на меня сильное, неотразимое впечатлѣніе.

Къ сожалѣнію, скоро облака окутали ихъ и скрыли съ глазъ. Тогда пришлось ограничить свои впечатлѣнія дорогою. Шла она все еще степью, но это была уже не ровная донская степь, а конецъ южнаго предкавказья. Волнистая, съ перелѣсками, она поднималась все выше къ темнѣвшимъ впереди горамъ, пересѣкая рѣки—Черекъ (по мѣстному Чурѐкъ), Урвань и Шалуху.

По берегамъ этихъ рѣкъ и на перекресткахъ дорогъ попадалось не мало каменныхъ прямоугольныхъ памятниковъ, увѣнчанныхъ чалмами и съ арабскою надписью изъ Корана. По сторонамъ,

въ степи разбросаны были курганы разныхъ окружностей и высотъ, то одинокихъ, то по нѣскольку въ одномъ мѣстѣ. Относительно каменныхъ столбиковъ ямщикъ объяснилъ, что, будто бы, они ставятся надъ убитыми туземцами. Если это вѣрно, то поистинѣ ужасающее количество совершается здѣсь убійствъ, чему, вѣроятно, способствуетъ господствующая еще во всей силѣ родовая месть. Что касается кургановъ, то нѣкоторые изъ нихъ насыпаны надъ могилами погибшихъ во время кровопролитныхъ кавказскихъ войнъ, а часть, несомнѣнно, относится къ древнѣйшимъ временамъ, доказательствомъ чему служатъ и раскопки и исторія Кавказа [1]). Съ незапамятныхъ временъ прелестная страна эта привлекала многіе народы и нерѣдко служила, такъ сказать, капканомъ для разъ попавшихъ въ кавказскія горы. Необъятныя степи, предшествующія Кавказу, служили когда-то главною дорогою для дикихъ ордъ изъ Азіи въ Европу. На этихъ степяхъ одни народы вытѣсняли другихъ, и тѣ изъ нихъ, которые должны были спасаться на Кавказѣ, уже не имѣли выхода, запертые тремя морями и высочайшими горами. Вотъ вся эта кровавая исторія Кавказа и зарыта

---

[1]) Можемъ указать на курганы въ Кубанской области, раскопанные извѣстнымъ археологомъ Н. И. Веселовскимъ, происхожденіе которыхъ относится къ II—III вв. по Р. Х. Въ Терской области интересныя данныя добыты членомъ археологическаго института, поручикомъ В. Р. Апухтинымъ, производившимъ раскопки въ Пятигорскомъ округѣ и въ Нальчикскомъ по р. Баксану. Но много еще неразслѣдованныхъ памятниковъ хранится на Кавказѣ вообще и въ Нальчикскомъ округѣ въ частности.

въ этихъ курганахъ и ждетъ еще своихъ историковъ. „Послѣднее усмиреніе“ Кавказа, ужасомъ своимъ превосходящее, кажется, все, что было раньше, подбавитъ еще новые курганы, образовавшіеся въ періодъ... „освободительнаго движенія“!..

На половинѣ дороги въ небольшой деревушкѣ ямщикъ мѣнялъ лошадей у переселенца изъ Курской губерніи [1]). Переселенецъ этотъ, какъ и всѣ другіе, жилъ въ грязной, кривой, крытой соломою избушкѣ. Онъ разсказалъ, что въ деревушкѣ живутъ переселенцы изъ Курской и Тамбовской губерній, а на вопросъ о причинѣ бѣдности, изложилъ длинную и запутанную исторію о какомъ-то надувательствѣ при покупкѣ земли. Словомъ, пришлось услышать старую, знакомую, тяжелую пѣсню, которая несется изъ всѣхъ переселенческихъ пунктовъ отъ холодной Сибири до жаркаго Кавказа.

Чѣмъ дальше, тѣмъ виднѣе дѣлались лѣсистыя горы, у подножія которыхъ и пріютился Нальчикъ.

Слобода эта произвела на меня, какъ и на всѣхъ пріѣзжающихъ, впечатлѣніе далеко не отрадное. Это не то село, не то заброшенный уѣздный городишко. Въ немъ довольно грязно, пыльно; постройки неказисты; количество населенія не превышаетъ трехъ съ половиною тысячъ, при чемъ подавляющее большинство—до 3.000—туземцы-ма-

---

[1]) Я ѣхалъ не по шоссѣ, а стороною. Если ѣхать по шоссѣ, то на 18-й вер. отъ «Котляревской» расположено большое, возникшее лѣтъ 15 — 20 назадъ, село Ново-Ивановское, населенное русскими переселенцами, кажется, малороссами, а на $23^1/_2$ вер. — почтовая станція, отъ которой $23^1/_2$ вер. до Нальчика.

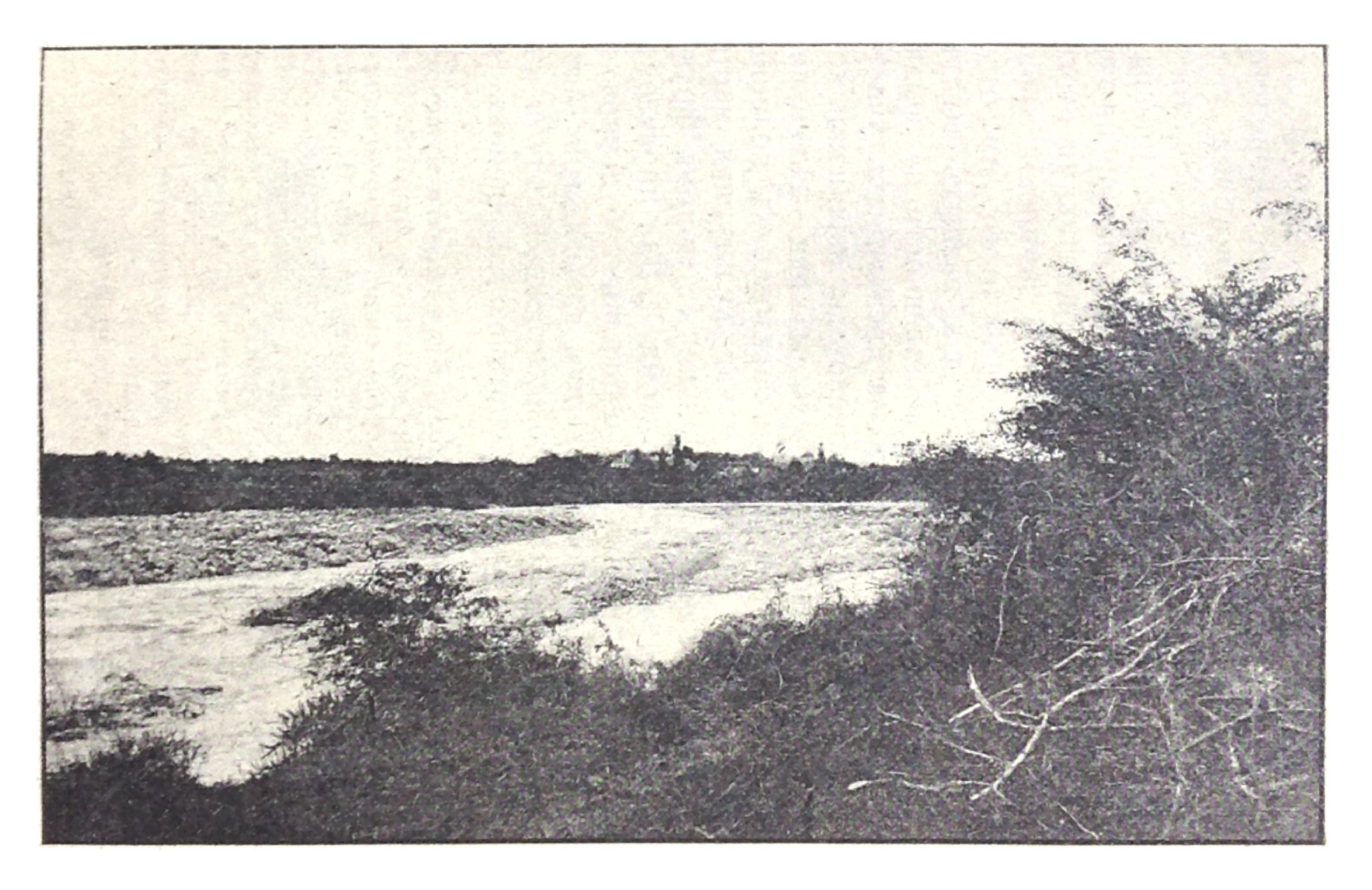

Рис. 1. Общій видъ Нальчика издали.

гометане, главнымъ образомъ, кабардинцы. Не туземное населеніе Нальчика—сборное. Коренные жители изъ русскихъ, вѣроятно, потомки солдатъ, завоевателей Кавказа. Лѣтъ 80—85 тому назадъ въ Нальчикѣ было укрѣпленіе, превращенное затѣмъ въ гауптвахту. Предки коренныхъ жителей изъ русскихъ и были защитниками этого укрѣпленія, а впослѣдствіи, по замиреніи края, получили здѣсь земли. Помимо этого, имѣются въ Нальчикѣ переселенцы изъ разныхъ мѣстъ Россіи, которые правомъ собственности на землю не пользуются, а живутъ на арендуемыхъ участкахъ. Близъ слободы расположена еврейская колонія, а верстахъ въ трехъ отъ нея—нѣмецкая, населенная выходцами изъ саратовскихъ колоній. Нѣмцы, какъ, конечно, самая культурная часть населенія, снабжаютъ Нальчикъ лучшими фруктами и молочными продуктами [1]). Для прогулокъ въ слободѣ имѣется два небольшихъ бульвара, а за слободою расположенъ такъ называемый „Атажукинскій“ садъ. Есть общественный клубъ съ небольшою при немъ библіотекою для членовъ [2]).

---

[1]) У нѣмцевъ имѣется школа, гдѣ всѣ дѣти мужского и женскаго пола непремѣнно обучаются грамотѣ. Есть въ слободѣ кирха и множество садовъ и огородовъ; колонія расположена въ 3-хъ верстахъ отъ Нальчика. Еврейская колонія почти слилась съ нѣмецкою. Нѣмецкіе колонисты, за отсутствіемъ земельныхъ угодій, начинаютъ переселяться въ Америку. Есть въ Нальчикѣ, кромѣ того, персы, мордва, армяне и т. д. Персы занимаются торговлею, мордва (около 50 семействъ) плотники, а армяне, кромѣ торговли, занимаются изготовленіемъ поясовъ для кабардинцевъ. Есть и турки, содержащіе, главнымъ образомъ, булочныя.

[2]) Которою могутъ, уплачивая 2 руб. въ мѣсяцъ, пользоваться и не члены. Учащіеся получаютъ книги безплатно.

Рис. 2. Лучшая улица Нальчика.

Имѣется горное низшее училище съ метеорологическою станціею при немъ [1]), и, кромѣ того, мужская и двѣ женскія начальныя школы. Есть церковь, синагога, окружное управленіе, нѣсколько неприглядныхъ магазиновъ, но больницъ, кажется, нѣтъ ни одной [2]). Почта приходитъ три раза въ недѣлю: во вторникъ, четвергъ и субботу, а отходитъ: въ понедѣльникъ и пятницу. По понедѣльникамъ—базаръ. Было бы, однако, слишкомъ поспѣшно, на основаніи первыхъ впечатлѣній, разочаровываться въ Нальчикѣ, что, къ сожалѣнію, случается съ весьма многими „курсовыми", особенно, если они пріѣзжаютъ въ ненастную погоду.

Прежде всего, здѣсь все очень дешево, что на курортахъ встрѣчается болѣе чѣмъ рѣдко. Вы можете, напримѣръ, имѣть сносный обѣдъ отъ 9 до 12 руб. въ мѣсяцъ, нанять квартиру отъ 3 до

---

[1]) Это, насколько намъ извѣстно, единственная метеорологическая станція на весь округъ! Между тѣмъ крайняя гористость округа обусловливаетъ разнообразіе въ высотахъ надъ уровнемъ моря и обособляетъ многія мѣстности въ совершенно самостоятельные климатическіе пункты. Нужно ли говорить, что такія естественныя условія округа требуютъ широкаго развитія метеорологической сѣти, чтобы хотя сколько-нибудь оріентироваться въ атмосферическихъ явленіяхъ. За отсутствіемъ какихъ-либо данныхъ горные жители предугадываютъ погоду по горамъ: если изъ ущелій ночью дуетъ свѣжій и сильный вѣтеръ — ожидается хорошая погода. Къ слову сказать, горные вѣтры большею частью дуютъ ночью и сильно понижаютъ температуру. Узнаютъ погоду также по шуму рѣчки Нальчика: если шумъ доносится съ горъ — къ хорошей погодѣ, со степной стороны — не къ хорошей.

[2]) На весь округъ имѣется, кажется, всего одинъ врачъ, да еще одинъ военный. Оба они проживаютъ въ Нальчикѣ.

Рис. 3. Долинскій хуторъ.

20 руб. Конечно, большинство этихъ квартиръ болѣе чѣмъ примитивно по своимъ удобствамъ, но жить, какъ говорится, можно, да и не для квартиръ же ѣхать на Кавказъ! Климатъ въ Нальчикѣ превосходный; въ слободѣ, особенно въ части ея, называемой „Астраханкою", не мало садовъ, отличные виды на снѣжныя горы и довольно сносное купанье въ горной рѣчкѣ Нальчикѣ, вытекающей не изъ снѣжныхъ вершинъ, а потому вода въ ней вообще сравнительно не-холодная, а часто нагрѣвается до высокихъ температуръ [1]).

А такихъ горныхъ рѣчекъ наберется на сѣверномъ Кавказѣ, во всякомъ случаѣ, немного.

Впрочемъ, лично я поселился не въ Нальчикѣ, а на такъ называемомъ „Долинскомъ хуторѣ", расположенномъ въ двухъ, много — въ трехъ верстахъ на югъ отъ слободы, хотя ямщики, желая „сорвать" съ „курсового", утверждаютъ, что разстояніе до хутора 10, 15 и даже 25 верстъ!

На этомъ хуторѣ долина рѣчки Нальчика окружена лѣсистыми темно-зелеными горами; за ними, на югѣ, высятся громадныя скалы, а за скалами отчетливо видны снѣжныя вершины великановъ Каштанъ-Тау и Дыхъ-Тау. Съ юго-западныхъ холмовъ въ хорошую, ясную погоду, особенно раннимъ утромъ и при закатѣ солнца, бываетъ видна, въ юго-восточномъ направленіи, громадная снѣжная цѣпь, заканчивающаяся Казбекомъ.

[1]) Одно неудобство: при дождяхъ вода въ Нальчикѣ дѣлается мутною и даже грязною.

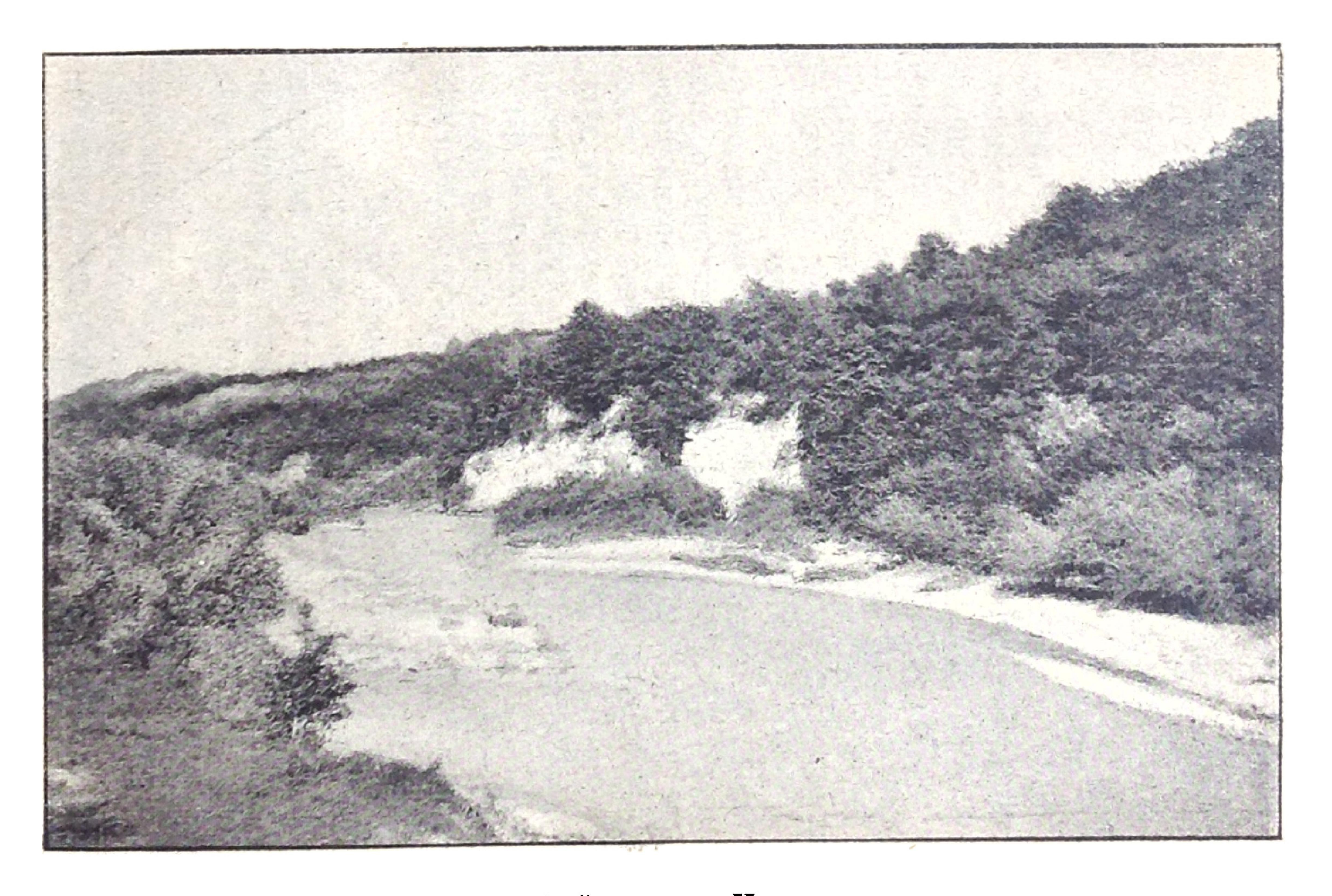

Рис. 4. Долина р. Нальчика.

Такое изобиліе разнообразнѣйшихъ горъ является причиною постоянной смѣны чудныхъ картинъ. Въ различные часы дня, въ зависимости отъ того или иного освѣщенія, всѣ эти горы, скалы и снѣжныя вершины мѣняютъ свой видъ до неузнаваемости.

При безоблачномъ небѣ, утромъ, онѣ имѣютъ ясныя и рѣзкія очертанія: словно выточенныя, бѣлѣютъ въ небесахъ пирамиды снѣжныхъ гигантовъ изъ-за голыхъ розоватыхъ скалъ; ниже послѣднихъ бирюзою отливаютъ горныя пастбища, а еще ниже — темнѣютъ, подернутыя голубою дымкою, лѣсистыя горы. Къ полудню и снѣжныя вершины и скалы прячутся въ тучи, такъ что кто не видалъ ихъ до этого, ни за что не повѣритъ, чтъ онѣ существуютъ. Къ вечеру облака разсѣиваются, и опять за зелеными горами показываются громады, но уже въ иномъ видѣ, чѣмъ утромъ. Случалось, что, лежа на зеленомъ лугу, подъ тѣнью развѣсистыхъ дикихъ грушъ, и слушая шумъ Нальчика, я цѣлыми часами не отрывалъ взора отъ горъ, дававшихъ одну за другою все новыя и новыя картины, словно въ калейдоскопѣ.

А какъ прелестны здѣсь лунныя ночи!

Окрестности хутора также заслуживаютъ вниманія. Здѣсь вы встрѣтите и поля, засѣянныя хлѣбными растеніями, и пасѣки, и роскошнѣйшіе луга, и темные лѣса, и веселыя горныя рѣчки.

Послѣ всего сказаннаго, нельзя не выразить удивленія, что мнѣ не удалось добыть фотографическихъ снимковъ ни Нальчика ни его окрестностей. Наши фотографы, включая и любителей,

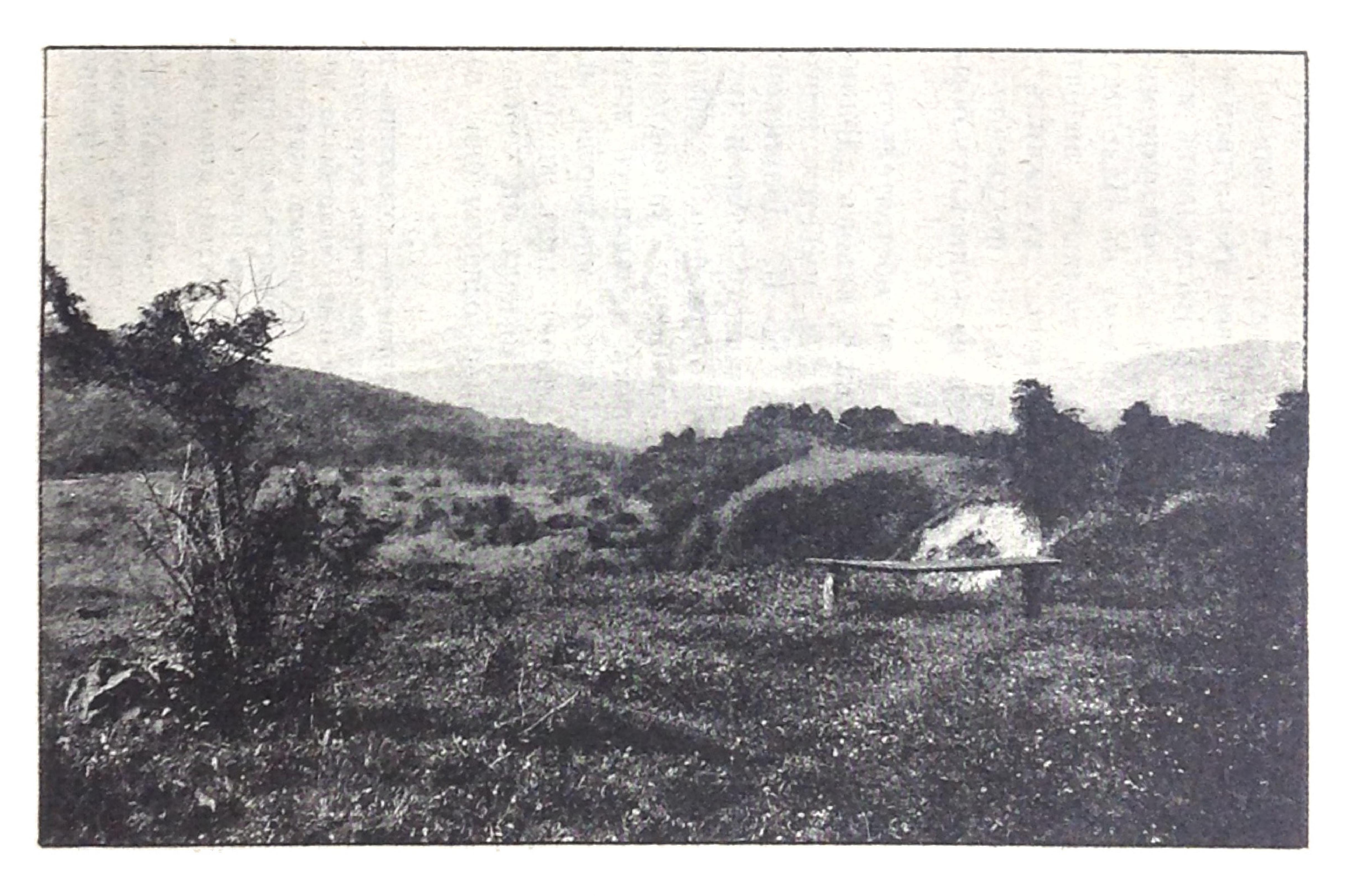

Рис. 5. Долина р. Нальчика.

идутъ лишь по проторенным дорогамъ,—сидятъ „въ извѣстныхъ“ только курортахъ и снимаютъ общеизвѣстные виды. У нихъ вовсе нѣтъ стремленія къ изученію страны, какъ это дѣлаютъ ихъ западно-европейскіе коллеги. Я съ товарищемъ-литераторомъ предлагалъ заѣзжему въ Нальчикъ фотографу заняться снимками чудныхъ видовъ Нальчикскаго округа, но этотъ „художникъ“, ссылаясь на то, что „видовъ не покупаютъ“, ограничивался изображеніемъ нальчикскихъ обывателей [1]).

Заслуживаетъ удивленія и то обстоятельство, что въ прекраснѣйшемъ уголкѣ, каковъ „Долинскій хуторъ“, негдѣ жить. Здѣсь имѣется всего на все два домика: одинъ Е. П. Долинской, которая любезно пріютила меня у себя, и другой г. Мовчановскаго, гдѣ совершенно случайно нашелъ себѣ помѣщеніе товарищъ - литераторъ съ семействомъ. А между тѣмъ желающихъ жить на хуторѣ было и будетъ цѣлое множество, и, конечно, не понесли бы убытковъ лица, которыя построили бы здѣсь дачи [2]). Но какъ ни хорошо на хуторѣ, все же истинное ознакомленіе съ

---

[1]) Въ 1903 г. и здѣсь жилъ офицеръ—художникъ и фотографъ. Онъ снималъ виды и рисовалъ карточки, но во время моего пребыванія у него мало было видовъ Нальчика и совсѣмъ не было снимковъ окрестностей, чѣмъ и объясняется, что мы не можемъ иллюстрировать ни пути въ Балкарію ни къ Эльбрусу, а лишь Военно-Осетинскую дорогу, которую недавно стали посѣщать фотографы.

[2]) Долинская въ 1903 г. построила прелестный домикъ, а Никольская раздѣлила свою землю на участки для дачъ. Эта земля, бывшая Мовчановскаго, страшно дорого продается—по 1 р. за 1 кв. сажень.

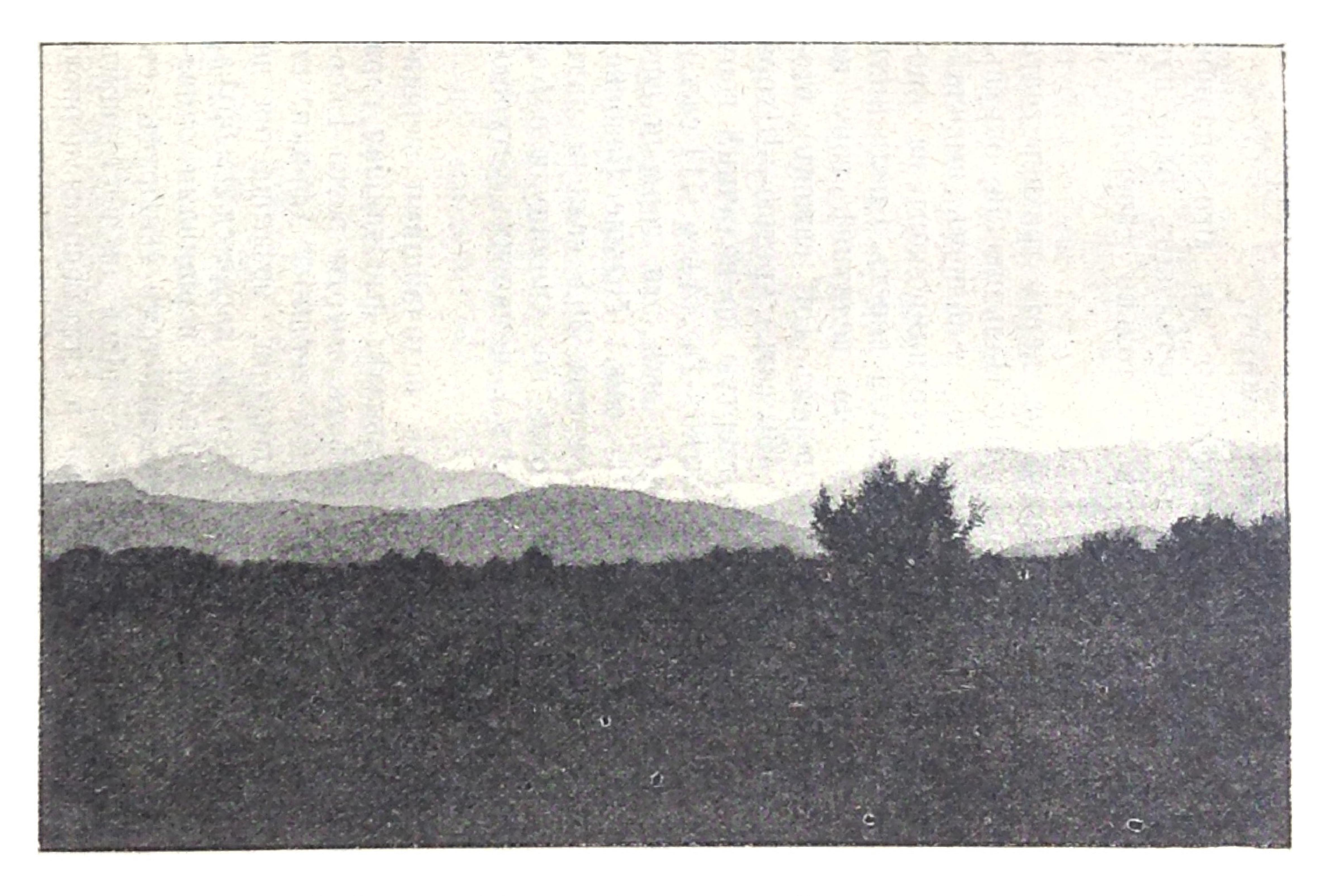

Рис. 6. Видъ на Кавказскія горы съ „Долинскаго хутора“.

кавказскою природою могутъ дать только путешествія по Нальчикскому округу.

Послѣдній, расположенный въ юго-западной части Терской области, представляетъ одно изъ интереснѣйшихъ мѣстъ не только сѣвернаго, а вообще всего Кавказа.

Если вы посмотрите на карту трехверстнаго масштаба, то увидите, что Нальчикскій округъ, особенно южная часть его, заполненъ высочайшими горами, которыя сгруппированы на пространствѣ не болѣе двадцати верстъ. Среди нихъ вы встрѣчаете первую по величинѣ гору на Кавказѣ—Эльбрусъ (5 верстъ 150 саженъ), вторую—Дыхъ-Тау (4 вер. 436 саж.), третью—Шхора (4 вер. 434 саж.) и четвертую по величинѣ гору на всемъ Кавказѣ—Каштанъ-Тау (4 вер. 411 саж.). Не говоря объ Эльбрусѣ, всѣ эти горы и еще Джангы-Тау (4 вер. 379 саж.) больше Казбека, возвышающагося на 4 версты 364 сажени надъ уровнемъ моря. Мы еще не упомянули о Катынъ-Тау (4 вер. 328 саж.), немногимъ уступающей Казбеку.

Эти гиганты являются величайшими вершинами не только на Кавказѣ: высочайшая гора Европы, Монъ-Бланъ, имѣетъ высоты всего 4 версты 270 саж.; величайшая вершина Африки, въ „Лунныхъ-Горахъ“, Рувензори, возвышается на 4 версты 321 сажень. Что же касается Эльбруса, то онъ конкурируетъ еще съ вершинами западной Азіи: его однофамилецъ, тоже Эльбрусъ, съ вулканомъ Демавендъ, высящійся на восточномъ берегу Каспійскаго моря и считающійся первою вершиною въ западной Азіи, на 18 саженъ ниже

кавказскаго Эльбруса, именно азіатскій Эльбрусъ имѣетъ 5 верстъ 132 саж. высоты.

Съ выше перечисленныхъ горъ Нальчикскаго округа и ихъ отроговъ спускаются величайшіе ледники Кавказа, какъ Бизинги (длина 15 вер.; спускается съ горы Шхора), Дыръ-Су (15 вер), Адыль, Агштанъ, Азау и многіе другіе.

Понятно, что такое скопленіе снѣговъ и льдовъ является причиною зарожденія множества горныхъ рѣкъ, рѣчекъ, каскадовъ, водопадовъ и т. п. И мы встрѣчаемъ въ Нальчикскомъ округѣ такія значительныя рѣки, какъ Малка (притокъ Терека), Черекъ (притокъ Малки), Баксанъ (притокъ Черека), Чегемъ (притокъ Баксана), Урвань или, быстрѣйшая на всемъ Кавказѣ, Адыль, Дыхъ-Су и т. д.

Прибавьте къ этимъ горамъ богатѣйшую и разнообразнѣйшую растительность, и не нужно большого воображенія, чтобы представить всю прелесть, все величіе Нальчикскаго округа [1]).

И всѣмъ этимъ можно легко и сравнительно, удобно вдоволь налюбоваться, совершивъ изъ

---

[1]) Какъ во всѣхъ горныхъ странахъ, растительность Нальчикскаго округа распредѣлена полосами. Предгорья и горы до извѣстныхъ высотъ покрыты дубомъ, кленомъ, ясенемъ, букомъ, ольхою, осиною, а изъ плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ — дикія яблони, груши, кизиль, барбарисъ, малина, крыжовникъ, виноградъ, алыча; выше этого пояса преобладаетъ букъ; еще выше—сосна, береза, можжевельникъ, рябина, рододендроны. Дальше идутъ горные луга съ чрезвычайно разнообразными и красивыми цвѣтами и травами, какъ-то: клеверъ, анемонъ, горныя лиліи, колокольчики, орхисы. Луга въ долинахъ также роскошны, съ громадною сочною травою и множествомъ цвѣтовъ.

Нальчика двѣ поѣздки: въ Балкарію или, другими словами, къ истокамъ рѣки Черека, берущаго начало въ ледникахъ Дыхъ-Тау и Каштанъ-Тау, и въ Урусбіевскій аулъ, или, иначе,—къ истокамъ р. Баксана, вытекающаго изъ самаго Эльбруса.

Я совершилъ обѣ поѣздки и опишу ихъ, чтобы вызвать подражателей этихъ интереснѣйшихъ и очень дешевыхъ путешествій.

Первая поѣздка была въ Балкарію.

Получила она свое названіе отъ народности, ее населяющей — балкарцевъ. Въ Нальчикскомъ округѣ насчитывается пятьдесятъ четыре степныхъ кабардинскихъ общества и пять обществъ, горныхъ. Изъ послѣднихъ, живущіе въ истокахъ Баксана, называются урусбіевцами, въ истокахъ Чегема—чегемцами, а обитающіе въ истокахъ Черека—бизингиицами, хуламцами и балкарцами.

Относительно происхожденія горныхъ жителей Нальчикскаго округа существуютъ весьма сбивчивыя данныя. Такъ, одни считаютъ ихъ кабардинцами [1]), но большинство причисляетъ нальчикскихъ горцевъ вообще и балкарцевъ въ частности къ монгольскому племени [2]). Г. Надеждинъ, между прочимъ, говоритъ: „Языкъ этихъ горцевъ весьма близокъ къ кумыкскому и карачевскому. Они образуютъ какъ бы островокъ среди другихъ національностей, чуждыхъ имъ по языку и племени кабардинцевъ, осетинъ и сванетовъ)“ [3]).

---

[1]) См. словарь Брокгауза и Ефрона, полут. 4, «Балкарія».

[2]) Тамъ же, полут. 26, «Кавказскій край».

[3]) «Кавказскій край», второе изд. Тула, 1895 г.

Профессоръ Вс. Миллеръ также указываетъ на рѣзко выдѣляющіеся здѣсь два типа [1]). „Одинъ, напоминающій монгольскій, хотя и съ значительно сглаженными чертами этого типа; другой типъ— арійскій, напоминающій всего болѣе осетинскій [2]). Цѣлый рядъ топографическихъ названій указываетъ на то, что татары-горцы застали въ этихъ мѣстахъ осетинское населеніе, исповѣдывавшее христіанскую религію (незначительные остатки христіанскихъ древностей можно встрѣтить здѣсь и теперь). Горцы-татары рядомъ со своимъ счетомъ сохранили осетинскую систему счета — парами, лишь слегка измѣнивъ осетинскія слова. О культурномъ вліяніи осетинъ на татаръ, бывшихъ, впрочемъ, еще кочевниками, можно судить по проникнувшимъ въ татарскій языкъ осетинскимъ терминомъ для земледѣлія и болѣе разумнаго скотоводства".

Таковы данныя о балкарцахъ.

Свѣдѣнія о Балкаріи точно такъ же разнорѣчивы. Но объ этомъ мы будемъ говорить въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ описанія нашей поѣздки.

Выѣхалъ я изъ Нальчика 21 іюня 1902 года въ сообществѣ двухъ молодыхъ дѣвушекъ и сту-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Кабардинцевъ и осетинъ нѣкоторые считаютъ потомками алановъ, принадлежащихъ къ скиѳскому племени, которое причисляютъ къ арійцамъ. Эти аланы обитали сначала на Кавказѣ, а затѣмъ распространили свои владѣнія до р. Дона. Въ 375 году, въ союзѣ съ гуннами, они разгромили царство остготскаго короля Германриха, присоединились къ великому движенію народовъ, и въ 406 г. вторглись въ Галлію. Въ послѣднюю византійскую эпоху аланы упоминаются еще на Кавказѣ. (Словарь Брокгауза и Ефрона, полут. 65).

дента. Молодая, веселая компанія эта очень способствовала хорошему настроенію, что весьма важно въ дорогѣ. Посчастливилось мнѣ также и въ ямщикѣ: насъ повезъ отличный человѣкъ, Николай Ѳедотовичъ Зайченко. Самъ онъ уроженецъ Екатеринославской губерніи, но давно уже живетъ съ семействомъ въ Нальчикѣ, въ собственномъ домѣ, въ той части слободы, которая называется „Астраханскою" [1]).

Николай разъ тридцать бывалъ въ Балкаріи, а потому могъ быть превосходнымъ чичероне въ въ этой малоизвѣстной странѣ. За поѣздку въ Балкарію и обратно (до послѣдняго аула въ Балкаріи 70 верстъ отъ Нальчика), въ теченіе четырехъ дней, онъ взялъ съ насъ десять рублей, и повезъ на парѣ лошадей, въ простой телѣгѣ, покрытой рогожею, что представляло намъ не мало удобствъ [2]). Помимо этихъ десяти рублей, нами затрачено было 8 р. 64 к. на провизію, которую необходимо было взять съ собою, такъ какъ на всемъ пути возможно раздобыть лишь яйца, куръ да молока, но и то далеко не всегда.

---

[1]) Сообщаю адресъ для будущихъ путешественниковъ, потому что качество ямщика играетъ громадную роль при поѣздкахъ на Кавказѣ.

Слѣдуетъ еще сказать, что отъ Нальчика до аула Кашканталъ, о которомъ рѣчь идетъ ниже, существуетъ отличный горный путь, на 15 вер. короче колеснаго. Изъ Нальчика слѣдуетъ переправиться черезъ р. Нальчикъ и направиться къ хутору Суншева и далѣе по горамъ. Говорятъ, что пѣшкомъ можно этотъ путь пройти въ 5—6 час.; передаютъ, что на этомъ пути чудные виды.

[2]) Въ рессорныхъ экипажахъ ѣздить въ горы совсѣмъ невозможно.

Въ этомъ отношеніи Нальчикъ служитъ незамѣнимымъ отправнымъ пунктомъ, въ которомъ все можно достать.

Такимъ образомъ четырехдневное путешествіе, съ пищею обошлось на человѣка по 4 рубля 66 к., или по 1 рублю 16 к. въ день.

Но перейдемъ къ самому путешествію.

Изъ Нальчика, переправившись въ бродъ черезъ рѣчку Нальчикъ, мы поѣхали на востокъ [1]). Благодаря предшествующимъ дождямъ, дорога была грязная. Шла она по волнистой мѣстности, то спускаясь въ ложбины, то поднимаясь въ гору, сначала степью, а затѣмъ мелкимъ перелѣскомъ. Въ правой сторонѣ, время отъ времени, въ ясной лазури неба показывались снѣжныя горы; приблизительно на 20-й верстѣ лѣсъ кончился, и взору нашему открылась широкая степная долина Черека и Урвани, замыкавшаяся на югѣ темнозелеными горами, скалами и пиками горныхъ великановъ. На берегу Черека виднѣлся большой кабардинскій, Догожуковскій, аулъ. Спустившись въ долину, мы у подножія горы увидѣли каменный памятникъ, совершенно такой, о которыхъ я уже говорилъ, описывая путь отъ станціи „Котляревской" до Нальчика. Далѣе этихъ памятниковъ, какъ и различныхъ кургановъ, встрѣчалось очень много.

Переѣхавъ въ бродъ горную рѣчушку Рваненокъ, мы, въ полдень, по предложенію Николая, оста-

---

[1]) При дождяхъ въ горахъ, черезъ рѣчку Нальчикъ переправиться весьма трудно, а иногда и невозможно, вслѣдствіе чего отсутствіе моста черезъ эту рѣчку представляетъ одно изъ очень крупныхъ неудобствъ для проживающихъ въ слободѣ.

новились на первый привалъ, на обширномъ лугу, близъ холоднаго ключа, совсѣмъ незамѣтно вытекавшаго изъ подножія одного изъ холмовъ, окаймлявшихъ долину съ правой стороны [1]).

Несмотря на конецъ іюня, лугъ не былъ еще скошенъ, и мы превосходно устроились на немъ подъ тѣнью устроенной Николаемъ палатки изъ брезента.

Я полагалъ, что трава на лугу не скошена по случайности, но оказалось, что туземцы убираютъ сѣно всегда въ теченіе іюля мѣсяца. Русское населеніе объясняетъ это лѣнью туземцевъ, которые, будто бы, чтобы не трудиться надъ ворочаньемъ травы, съ цѣлью просушки, косятъ тогда, когда трава совершенно высохнетъ, и ее можно прямо складывать въ стога. Туземцы же утверждаютъ, что въ іюлѣ устанавливается погода [2]).

Часа черезъ два-три, когда свалилъ полдневный зной, мы двинулись въ дальнѣйшій путь.

Вскорѣ открылись прелестные виды на продолжавшуюся долину Черека, а черезъ нѣкоторое

---

[1]) Недалеко отъ этого ключа, на известковыхъ горахъ (бѣлыхъ), въ ямахъ прячется масса дикихъ свиней. И это мѣсто называется «закутою». Свиньи, наѣвшись кукурузы (початокъ), прячутся по такимъ «закутамъ» и изъ ямъ ихъ очень трудно выгнать даже съ собаками. Если Рваненокъ чистъ, лучше на немъ останавливаться, такъ какъ въ немъ можно превосходно выкупаться.

[2]) Русскіе жители утверждаютъ, что нѣкоторые изъ нихъ косятъ въ лѣто два и даже три раза, а туземцы — лишь одинъ разъ. Впослѣдствіи я убѣдился, что туземцы правы: май, іюнь и первая половина іюля здѣсь дождливы, погода устанавливается со второй половины іюля.

время кончилась Кабардинская степь, и мы вступили въ предѣлы Балкаріи.

Первый балкарскій аулъ — это бѣдный и грязный Кашканталъ съ почтовою станціею въ немъ. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Балкаріею считается лишь крайній истокъ Черека, но это не совсѣмъ точно. По свѣдѣніямъ, полученнымъ нами отъ мѣстныхъ жителей, Балкарія раздѣляется на верхнюю и нижнюю, или „плоскогорье". Вотъ это „плоскогорье", насколько мы могли понять, и начинается отъ аула Кашканталъ, при чемъ, какъ мы ниже увидимъ, нижняя Балкарія по своей природѣ совсѣмъ не похожа на верхнюю.

Миновавъ Кашканталъ, мы черезъ нѣкоторое время подъѣхали къ мосту черезъ рѣку Урвань [1]). Загроможденная громадными камнями, падая съ большой высоты, Урвань въ этомъ мѣстѣ реветъ, пѣнится и съ необычайной силой и быстротой сердито мчитъ мутныя воды, совершенно оправдывая свое названіе, если оно происходитъ отъ русскаго глагола—рвать.

Долго мы любовались горною грозною рѣкою, стоя на мостикѣ сомнительной крѣпости, казалось, трепетавшемъ отъ каждаго взрыва мощной стихіи.

Нельзя было не испытывать нѣкотораго волненія при видѣ этого примитивнаго сооруженія. Какъ и всѣ другіе, мостъ черезъ Урвань построенъ былъ ужъ очень просто Въ берега

---

[1]) Недалеко отъ этого моста, не доѣзжая его, Урвань сливается съ Черекомъ, при чемъ рѣзко выдѣляются ихъ воды: черная Черека и мутно-бѣлая Урвани.

были горизонтально вбиты три или четыре ряда свай, при чемъ нижнія немного выступали надъ водою, а слѣдующія—все больше и больше, такъ что самыя верхнія сваи съ той и другой стороны берега уже значительно выдавались надъ рѣкою; на эти-то послѣднія сваи были положены боковыя основанія моста, въ видѣ толстыхъ бревенъ, а поперекъ ихъ устланы менѣе толстыя круглыя же бревна—вотъ и все. Иногда настилка бываетъ изъ досокъ, которыя кладутся и вдоль и поперекъ. Въ большинствѣ случаевъ мосты безъ перилъ.

Недалеко за Урванскимъ мостомъ начиналось уже ущелье Черека, но мы за позднимъ временемъ не доѣхали до него и остановились ночевать на лугу, на берегу красивой горной рѣчки Кара-Су, противъ заброшеннаго дома балкарскаго князя Абаева-Баташева [1]).

При свѣтѣ костра, на которомъ варилась каша и кипятился чай, Николай сообщилъ намъ свои охотничьи похожденія.

Между прочимъ, онъ выражалъ удивленіе, какъ можно бояться какого бы то ни было звѣря: „Никакой звѣрь не только самъ не бросается на человѣка, а, чтобы подобраться къ нему, надо итти противъ вѣтра, потому что звѣрь отъ одного духа человѣческаго уйдетъ“.

Что касается количества и породъ звѣрей, водящихся въ горахъ, то не мало имѣется тамъ оле-

---

[1]) Домъ этотъ теперь сгорѣлъ. Мѣсто остановки на Кара-Су неподалеку отъ впаденія (за впаденіемъ) Кара-Су въ Черекъ. При впаденіи очень красивое мѣсто: въ быстрыя мрачныя воды Черека вливается бѣлая вода Кара-Су.

ней, сернъ, козъ, лисицъ, куницъ, выдръ, волковъ, но больше всего—медвѣдей и особенно дикихъ кабановъ и свиней. Эти послѣдніе и служать главнымъ предметомъ охоты, такъ какъ на вкусные окорока дикихъ свиней существуетъ, оказывается, большой спросъ изъ Россіи. Вкусны же они потому, что дикія свиньи здѣсь питаются исключительно растительною пищею, при чемъ осенью ѣдятъ кукурузу, орѣхи, дикія яблоки и груши. Охота на свиней производится съ пріученными обыкновенными дворовыми собаками, которыхъ гибнетъ видимо - невидимо, потому что свиньи сплошь и рядомъ убиваютъ, или чаще всего разрываютъ ихъ своими клыками „снизу доверху".

Что касается опасности для охотника, то она не велика: случаи даже пораненій ихъ очень рѣдки. Хорошій охотникъ въ осенній сезонъ убиваетъ до ста штукъ свиней.

Главнымъ образомъ, находятъ ихъ въ кукурузѣ, въ лѣсахъ дикихъ грушъ и яблонь и орѣшникахъ. Кукурузѣ свиньи причиняютъ такой вредъ, что въ періодъ созрѣванія ея туземцы устраиваютъ спеціальную охрану кукурузныхъ плантацій.

Николай, между прочимъ, жаловался, что русскимъ охотникамъ не дозволяютъ имѣть берданокъ, изъ опасенія, что русскіе охотники будутъ продавать ихъ туземцамъ. Вслѣдствіе этого приходится охотиться съ ружьями старыхъ плохихъ системъ. Впослѣдствіи жалобу эту мнѣ пришлось услышать и отъ другихъ охотниковъ [1]).

---

[1]) Туземцамъ (кабардинцамъ и горцамъ) разрѣшается пріобрѣтать оружіе (кинжалы, ружья, револьверы) лишь

Послѣ ужина мы улеглись спать въ телѣгѣ, но долго не могъ я уснуть, любуясь южною ночью. Милліоны звѣздъ ярко горѣли на высокомъ темно-синемъ небѣ. Свѣжій горный воздухъ напоенъ былъ ароматами луга, обрамленнаго лѣсистыми, казавшимися черными, горами. Ритмично шумѣла Кара-Су, бѣлѣя игривыми волнами своими въ темныхъ берегахъ. И это были единственные звуки среди глубокаго покоя природы.

Ранняя заря была еще очаровательнѣе. Какъ алмазы, горѣли капли росы на сочной высокой травѣ; сверкали и бурлили холодныя струи Кара-Су; темно-зеленые лѣса окружающихъ горъ еще погружены были въ тѣнь, а возвышающіяся за ними на юго-западѣ скалы уже зарумянились отъ лучей еще невидимаго солнца, и дивно бѣлѣли три снѣжные пика какой-то громадной вершины.

Скоро проснулись и мои спутники.

Напившись чаю и оставивъ Николая запрягать лошадей, мы отправились впередъ пѣшкомъ, перейдя черезъ перекладину на правый берегъ Кара-Су. Тропинка шла по сильно росистому еще лугу и привела къ дорогѣ, шедшей по направленію къ Череку, шумѣвшему съ лѣвой стороны подъ крутыми бѣлыми скалами, поросшими лѣсомъ. Версты черезъ $1^1/_2$—2 мы достигли поэтическаго мостика, безъ перилъ, переброшеннаго на громадной высотѣ черезъ ревущій Черекъ.

Сейчасъ за мостомъ мы по тропѣ поднялись на ближайшую лѣсистую гору, и взору нашему открылась поистинѣ очаровательная картина.

по особымъ удостовѣреніямъ волости, за которое взносится 3 руб.

Внизу, близъ подошвы горы, среди зеленой долины, виднѣлось круглое озеро въ тѣни большихъ деревьевъ, отчетливо отражавшихся въ его зеркальной, изумрудной поверхности. За озеромъ легкою прозрачною дымкою курилась темно-зеленая стѣна ущелья Черека, замыкавшаяся вдали необычайной бѣлизны снѣжными пиками и красноватыми скалами. Длинныя, узкія, ярко-золотистыя облачка лѣниво плыли близъ утесовъ и скрывались одно за другимъ въ невѣдомыхъ отдаленныхъ ущельяхъ. Тамъ и сямъ въ необъятной бирюзовой выси поднебесной, какъ точки, плавали орлы.

Все было хорошо, но насъ особенно занимало озеро, о которомъ мы слышали не мало восторженныхъ отзывовъ отъ предшествовавшей намъ компаніи. И, спустившись съ горы, мы немедленно направились къ нему.

Отъ озера, дѣйствительно, вѣяло чѣмъ-то таинственнымъ, фантастическимъ. Необыкновенно тихое, молчаливое, безъ всякихъ признаковъ органической жизни, оно казалось, замерло, навѣки, похоронивъ въ необычайно чистыхъ и очень глубокихъ водахъ своихъ большія деревья. Послѣднія, съ громадными сучьями и вѣтвями, покрытыя мхомъ и водорослями, ясно виднѣлись подъ водою, отсвѣчивая голубовато-серебристымъ оттѣнкомъ [1]). Такой отблескъ имѣли и виднѣвшіяся на днѣ озера камни. Правильная круглая форма озера, какъ бы выточенные овальные берега его, воронкообразное углубленіе дна, сѣрнистый запахъ

---

[1]) Вѣроятно это обстоятельство и послужило причиною названія озера «Голубымъ», хотя на самомъ дѣлѣ цвѣтъ воды — зеленоватый.

и высокія горы, окружающія озеро, невольно наводили на мысль, что это кратеръ навѣки или временно потухшаго вулкана [1]). Особенно сильный сѣро-водородистый запахъ издавала чистая, свѣтлая рѣчка, выходящая изъ озера.

Рѣчка эта течетъ въ густой заросли. На ней, въ недалекомъ разстояніи отъ впаденія въ Черекъ, пріютились двѣ поэтическія горныя мельницы и заброшенная грязная сакля [2]).

Николай, нагнавшій насъ на озерѣ, замѣтивъ восторженное настроеніе наше отъ окружающей природы, улыбаясь замѣтилъ: „Это еще что! Вотъ дальше увидите много получше. Ужъ на что я привыкъ ѣздить по этой дорогѣ, а и то въ тѣхъ мѣстахъ всегда удивляюсь“.

И, дѣйствительно, дальше на каждомъ шагу открывались все новыя и новыя картины; одинъ видъ конкурировалъ съ другимъ по своей оригинальности и величію.

Ущелье сдвигалось все больше и больше, пока не превратилось въ сплошной скалистый коридоръ. Внизъ спускались пропасти, откуда чуть-чуть доносился шумъ Черека; надъ дорогою скалы поднимались къ небу. Куда ни посмотришь—духъ захватываетъ, голова кружится! Вотъ съ недосягаемой высоты, среди зелени деревьевъ, съ шумомъ

---

[1]) **Впослѣдствіи мы узнали, что такія же озера были и на горѣ, на которую мы поднимались. Но расположены они выше, въ лѣсу и въ болотистой мѣстности.**

[2]) **На всѣхъ малыхъ и большихъ горныхъ рѣчкахъ попадается не мало мельницъ. Обыкновенно горцы отводятъ воду въ особые каналы, по которымъ она и идетъ къ мельничнымъ примитивнымъ турбинамъ, падая изъ нихъ на лопасти своеобразныхъ колесъ и приводя послѣднія въ движеніе.**

и звономъ несется горный потокъ. Разбиваясь о камни, брильянтами блещутъ брызги и пѣна его чистой, холодной, какъ ледъ, воды. Пересѣкши дорогу, потокъ, стремясь къ Череку, спрыгиваетъ внизъ, и замираетъ шумъ его среди лѣсовъ темной бездны.

А вотъ грозный обвалъ. Земля и небо, вѣроятно, содрогались, когда рушились эти куски скалъ въ нѣсколько сотъ тысячъ пудовъ каждая.

Старые обвалы природа убрала уже мхами и деревьями, а новые валяются въ безпорядочномъ хаосѣ, заставляя путешественниковъ скорѣе миновать ихъ.

И эти каскады, водопады, обвалы и осыпи встрѣчаются очень часто. Прибавьте къ этому разнообразную, мощную растительность, тамъ и сямъ бѣлѣющія изъ-за скалъ снѣжныя вершины, голубое небо, жаркое солнце, свѣтъ и тѣни и вы поймете всю прелесть описываемой части балкарской дороги. Дальше она носитъ другой характеръ. Но объ этомъ мы будемъ говорить ниже, а теперь скажемъ, что колесная дорога въ Балкарію проведена очень недавно, кажется, въ 1893 году, а раньше былъ лишь верховой путь, видный и теперь по ту сторону Черека[1]).

Сооруженіе колесной дороги обошлось въ 70.000 или 80.000 руб., при чемъ приходилось взрывать горы, пробить два тоннеля и ломать скалы. И теперь путь въ Балкарію настолько широкъ, что мы безъ труда разъѣзжались со скрипучими арбами,

---

[1]) Отсутствіемъ колесной дороги, вѣроятно, и объясняется, что Балкарія, собственно говоря, terra incognita для большой русской публики и до сихъ поръ.

запряженными лѣнивыми волами, съ многочисленными верховыми горцами, одѣтыми въ бурки и покрытыми папахами, несмотря на 30-градусный зной, и съ десятками маленькихъ осликовъ, навьюченныхъ всякою всячиною.

Нѣкоторыя лица, проѣзжавшія по Военно-Грузинской дорогѣ, говорили мнѣ, что описанная часть пути въ Балкарію красивѣе и величественнѣе первой. Если это даже и не совсѣмъ вѣрно, все же дорога въ Балкарію заслуживаетъ вниманія ѣдущихъ на Кавказъ.

Приблизительно отъ второго тоннеля начинается вторая часть пути, совсѣмъ не похожая на описанную. Отсюда дорога вступаетъ въ верхнюю Балкарію, въ печальныя безлѣсныя скалы, покрытыя лишь скудною травою [1]). У подножія этихъ скалъ и на разныхъ высотахъ ихъ, до 5.000 и болѣе футовъ, тамъ и сямъ виднѣлись аулы, пасшійся скотъ, сложенное въ стога сѣно, разбросанныя поляны, засѣянныя ячменемъ. Въ долинѣ поля орошались арыками.

Вотъ этотъ-то мрачный уголокъ и называется собственно Балкаріею, хотя, какъ мы выше говорили, сами балкарцы считаютъ страну свою отъ аула Кашканталъ и раздѣляютъ на верхнюю и нижнюю.

Около пяти часовъ пополудни мы прибыли въ послѣдній аулъ Балкаріи, Кунимъ, и остановились въ волостномъ правленіи, единственномъ, если не считать мечети, деревянномъ домѣ, зате-

---

[1]) Существуетъ преданіе у мѣстныхъ жителей, что нѣкогда скалы верхней Балкаріи также были покрыты густымъ лѣсомъ, но онъ, будто бы, срубленъ.

рявшемся среди валунныхъ саклей. Черезъ нѣкоторое время Николай заявилъ, что въ аулѣ ничего нельзя достать: нѣтъ ни хлѣба, ни сѣна, ни дровъ.

Это обстоятельство заставило насъ поспѣшить ознакомиться съ жизнью кунимцевъ. Съ этою цѣлью мы сейчасъ же отправились къ князю Нухтѣ Абаеву-Баташеву, окончившему нальчикскую горную школу и единственному интеллигентному, сравнительно, человѣку на всю верхнюю Балкарію [1]). Онъ живетъ очень высоко, на скалѣ противоположнаго берега Черека, и намъ пришлось не безъ труда взбираться по узкимъ тропамъ среди саклей. Послѣднія производили самое гнетущее впечатлѣніе.

Всѣ онѣ сложены исключительно изъ камней-валуновъ, и вмѣсто оконъ имѣютъ лишь небольшія отверстія; плоскія крыши саклей покрываются землею; на нихъ растетъ трава, при чемъ на нѣкоторыхъ крышахъ мы видѣли пасущихся ословъ.

---

1) Къ слову сказать, въ балкарскомъ, какъ и во всѣхъ горскихъ обществахъ, нѣтъ ни одной русской школы, а другихъ они и имѣть не могутъ, такъ какъ у балкарцевъ нѣтъ своей письменности. Лишь при мечетяхъ, въ медрессе, муллы обучаютъ нѣкоторыхъ дѣтей арабскому языку, чтобы читать Коранъ. Словомъ, балкарцы— совершенно дикіе, темные, невѣжественные и полунищіе люди. Принимая во вниманіе всѣ эти ужасныя условія существованія балкарцевъ, нужно удивляться ихъ выносливости и добродушію. За исключеніемъ родовой мести и похищеній скота, намъ не приходилось слышать объ особенныхъ преступленіяхъ въ ихъ средѣ, а въ пути мы не имѣли ни одной даже малѣйшей непріятности. Наоборотъ, при встрѣчахъ, балкарцы, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, улыбались и любезно привѣтствовали насъ.

Самая ужасная курная крестьянская изба, которыхъ мнѣ приходилось видѣть немало, на мой взглядъ, во много разъ превосходитъ лучшую саклю, напоминающую скорѣе стойло для скота, чѣмъ человѣческое жилье.

Валунныя же изгороди для скота и дворы отличались отъ саклей только отсутствіемъ крышъ. Въ этихъ изгородяхъ и дворахъ совершенно невѣроятная вонь и грязь, застоявшіяся болотца, переполненныя скотскими экскрементами. Нерѣдко возлѣ этихъ лужъ и у дверей саклей ползали и играли совершенно голыя дѣти.

Съ любознательностью дикарей насъ сопровождали много женщинъ и дѣвушекъ, говорившихъ на непонятномъ для насъ нарѣчіи. Другія любопытствующія женщины и дѣти выглядывали и изъ саклей и съ крышъ. У большинства женщинъ и дѣвушекъ были крайне истомленныя, худыя и старческія лица; почти каждая изъ нихъ держала въ рукахъ веретено съ шерстью и искусно пряла на ходу.

У князя Абаева-Баташева, встрѣтившаго насъ весьма радушно и любезно, мы застали торжество: праздновалась свадьба его брата. По этому случаю во дворѣ виднѣлось не мало балкарцевъ, балкарокъ и ихъ дѣтей. Послѣ нѣкотораго замѣшательства, явившагося слѣдствіемъ нашего прихода, начались горскіе танцы подъ русскую гармонію, на которой очень плохо играла молодая, неуклюжая балкарка.

Сначала танцовали лезгинку. Намъ невольно припомнилась при этомъ лезгинка Рубинштейна въ его „Демонѣ“.

Въ звукахъ гармоніи мы уловили только одинъ мотивъ, какъ будто что-то напоминающій изъ лезгинки въ „Демонѣ", а въ танцахъ не было ничего общаго съ тою чудною лезгинкою, которую приходилось не разъ видѣть на петербургской и московской сценахъ. Здѣсь ее, какъ и всѣ другіе танцы, исполняли вяло, монотонно, безжизненно, словно это была какая-то тяжелая обязанность. Среди собравшихся вовсе не было веселыхъ и красивыхъ женщинъ. Всѣ онѣ худыя, плоскогрудыя, какія-то истомленныя.

Да это и очень естественно. Положеніе горскихъ женщинъ убійственное. Благодаря тому обстоятельству, что въ 14, даже 13 и 12 лѣтъ онѣ уже выходятъ замужъ и дѣлаются матерями, старѣютъ балкарскія женщины очень и очень рано. Помимо этого, вся тяжесть домашней работы цѣликомъ лежитъ на нихъ. Кромѣ того, горская женщина вѣчно сидитъ въ дымной полутемной, грязной дóнельзя саклѣ.

Среди мужчинъ, наоборотъ, попадаются очень много положительно красавцевъ. И почти всѣ мужчины обладаютъ граціозною, изящною фигурою. Ловкіе наѣздники, мужчины постоянно разъѣзжаютъ верхомъ, всегда на воздухѣ и работаютъ, по общему мнѣнію, много меньше женщинъ, а „привилегированное сословіе", князья и дворяне („уздени"), кажется, и вовсе ничего не дѣлаютъ или, во всякомъ случаѣ, работаютъ очень и очень мало. Вдоволь насмотрѣвшись на однообразные танцы, которымъ не предвидѣлось конца, на шалости оборванныхъ дѣтей, вносившихъ большое оживленіе въ праздноство, мы отправились обратно

въ волостное правленіе, при чемъ съ нами шелъ и Абаевъ.

Въ волостномъ правленіи устроили чай, за которымъ Абаевъ разсказывалъ намъ о печальной жизни горцевъ своего аула [1]).

Помимо Абаева, во дворѣ волостного правленія набралось не мало мужчинъ-горцевъ, въ большинствѣ пожилыхъ, глазѣвшихъ на насъ и дразнившихъ какого-то помѣшаннаго старика, который, при общемъ хохотѣ, рычалъ и дрался палкою, когда отъ него хотѣли отобрать чай и хлѣбъ, данные нами. При этомъ горцы хохотали до упаду, и никто не могъ понять, что сцена эта для насъ болѣе чѣмъ тяжела, а уговоры Абаева—бросить травить сумасшедшаго—оставались безъ всякихъ результатовъ.

Насъ не мало удивляло, что волостной писарь не принималъ участія въ нашихъ бесѣдахъ, былъ очень сухъ и молчаливъ. Но, когда поздно вечеромъ горцы ушли, онъ подошелъ къ намъ, и изъ бесѣды выяснилось, что писарь, во-первыхъ, абсолютно не понимаетъ балкарскаго языка, а во-вторыхъ, всѣхъ безъ исключенія горцевъ считаетъ за воровъ, мошенниковъ и обманщиковъ, почему и не принималъ участія въ общемъ чаѣ.

---

[1]) Между прочимъ Абаевъ сообщилъ, что въ горахъ Балкаріи найдены мѣдныя и свинцовыя руды. Нѣкій Эмерикъ выразилъ желаніе разрабатывать ихъ и уже заключилъ условіе объ арендованіи горскихъ земель, но балкарцы, живущіе на «плоскогорьѣ», т.-е. въ нижней Балкаріи, запротестовали, доказывая, что названныя руды находятся на земляхъ, принадлежащихъ «къ плоскогорью». Дѣло передано теперь въ судъ, и балкарцы ждутъ рѣшенія.

Такое высокомѣрное и подозрительное отношеніе къ туземцамъ намъ приходилось встрѣчать на каждомъ шагу со стороны русскихъ вообще и начальства въ особенности. И врядъ ли такая „политика“ можетъ дать благіе результаты [1]).

Переночевавъ на крыльцѣ волостного правленія, мы проснулись очень рано, когда дикія скалы, высившіяся на противоположномъ берегу Черека, чуть-чуть подернулись розовымъ свѣтомъ. Мы спѣшили осмотрѣть кладбище, увидѣть обѣщанную Абаевымъ джигитовку и скорѣе уѣхать, такъ какъ лошадямъ нечего было ѣсть, да и намъ удалось достать лишь щедро разведенное водою молоко, которое мы не могли пить, да кусокъ грязнаго, такъ называемаго „осетинскаго“ сыра, кажется, изъ козьяго молока. Вообще въ этомъ аулѣ, какъ и во всѣхъ, было лишь изобиліе великолѣпной воды, потому что, помимо Черека, здѣсь вливается въ него превосходная горная рѣка Иртышъ-хи и, кромѣ того, есть великолѣпная ключевая вода.

Кладбище представляло собою какой-то дикій каменный хаосъ, среди котораго тамъ и сямъ возвышались памятники. Но что особенно привлекло наше вниманіе, такъ это ряды каменныхъ пещеръ съ небольшими отверстіями, заполненныхъ массою человѣческихъ костей, цѣлыхъ скелетовъ и даже высохшихъ труповъ съ сохранившимися волосами и одеждою.

---

[1]) **Возстаніе Кавказа въ 1905 — 1906 г. доказало раціональность этой «политики» россійскихъ бюрократовъ, изъ которыхъ низшіе только подражаютъ высшимъ.**

Мѣстная легенда гласитъ, будто бы въ отдаленныя времена въ Кунимѣ свирѣпствовала какая-то ужасная эпидемическая болѣзнь, въ родѣ проказы. Для больныхъ этою болѣзнью, будто бы, и сооружены катакомбы. Туда засаживали ихъ десятками, подавая пищу черезъ отверстія, и тамъ больные умирали, и умирали, конечно, не всѣ въ одно время, такъ что живымъ приходилось находиться среди труповъ.

Какъ увидимъ ниже, легенда эта подвергается сомнѣнію, но намъ думается, что, если бы въ горскихъ аулахъ сейчасъ проявилась какая-либо эпидемія, пришлось бы, вѣроятно, прибѣгнуть къ такимъ же катакомбамъ и въ XX вѣкѣ, потому что здѣсь медицинская помощь совершенно отсутствуетъ.

Что касается сомнѣнія относительно происхожденія названныхъ пещеръ, то я узналъ объ этомъ совершенно случайно. Въ Кунимѣ мнѣ, между прочимъ, передавали, что аулъ этотъ посѣтила графиня Уварова и брала въ катакомбахъ черепа.

На археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ я бесѣдовалъ по этому поводу съ графинею Уваровой, и она сообщила мнѣ, что лично въ Кунимѣ не была, а ѣздилъ туда проф. Миллеръ, который полагаетъ, что кунимскія пещеры — это не что иное, какъ особый типъ погребенія.

Послѣ осмотра кладбища мы ждали увидѣть джигитовку, обѣщанную намъ княземъ Абаевымъ, но она не удалась, такъ какъ явился лишь одинъ джигитъ.

Тогда остатокъ времени употребленъ былъ на осмотръ принадлежащихъ глубочайшей старинѣ башенъ, виднѣвшихся на скалахъ, окружающихъ аулъ, и на кладбищѣ. Всѣ онѣ имѣютъ форму усѣченныхъ пирамидъ, снаружи оштукатурены, а внутри изъ стѣнъ торчатъ валуны, изъ которыхъ башни сложены.

Князь Абаевъ совершенно основательно замѣтилъ, что современные жители аула, пожалуй, не сумѣли бы соорудить такихъ башенъ и такъ прочно оштукатурить ихъ. Что касается происхожденія башенъ, то рѣшительно никто не знаетъ даже легендъ, относящихся ко времени ихъ возникновенія. Одно только обстоятельство даетъ возможность заключить о давности — это кресты, выдѣланные въ самомъ верху стѣнъ, между тѣмъ, какъ всѣ жители—магометане. На вопросъ, предложенный Абаеву, чѣмъ объяснить эти кресты, онъ отвѣтилъ, что существуетъ преданіе, что когда-то жители Кунима были христіане. Не принадлежатъ ли кресты къ тѣмъ „остаткамъ христіанства“, о которыхъ упоминаетъ профес. В. Миллеръ въ свѣдѣніяхъ о горцахъ, выше нами приведенныхъ?

По осмотрѣ башенъ мы, въ сопровожденіи любезнаго князя Нухты-Абаева, уѣхали изъ Кунима, не побывавъ на ледникахъ Дыхъ-Тау и Капитанъ-Тау, главнымъ образомъ потому, что, какъ мы говорили, не было корма для лошадей, и потому, что я долженъ былъ спѣшить въ Нальчикъ, чтобы ѣхать къ подножію Эльбруса.

Обратный путь изъ Балкаріи въ Нальчикъ можно было проѣхать почти вдвое быстрѣе, такъ какъ

приходилось все время спускаться съ горъ, но хотѣлось еще разъ полюбоваться чудною природою, и мы дѣлали привалы и ночевали почти въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ это дѣлали, когда ѣхали изъ Нальчика [1]).

---

[1]) Вообще отъ Нальчика до конца Балкаріи таковы разстоянія по мѣстностямъ: до «горы», противъ Догожуковскаго аула отъ Нальчика 20 вер., отъ «горы» до рѣчки Рваненка—около 5 вер., отъ Рваненка до аула Кашкантала—около 10 вер., отъ Кашкантала до Кара-су—около 4—5 вер., отъ рѣчки Кара-су до «Голубого озера»—$1^1/_2$ вер., отъ «Голубого озера» до конца красивой Балкаріи, до тоннелей по дорогѣ,—около 10 вер. Отъ тоннелей по дикой Балкаріи до аула Кунимъ — около 15 вер. Всего 70: 35 вер. отъ Нальчика до Кашкантала, и 35 вер. отъ Кашкантала до Кунима. Ходятъ и почтовыя лошади до Кунима изъ Нальчика.

II.

Къ подножію Эльбруса.

Изъ поѣздки въ Балкарію возвратился я на хуторъ Долинской 24-го іюня, а 26-го уже принялъ участіе въ путешествіи къ подножію Эльбруса.

На этотъ разъ компанія наша состояла изъ 14 человѣкъ, а поѣздка продолжалась шесть дней, при чемъ въ одинъ и другой конецъ пришлось проѣхать 220 верстъ. Благодаря послѣднему обстоятельству, за каждую „фуру", въ которой размѣщалось по 4 человѣка, пришлось уплатить по 20 руб. Если прибавить къ цѣнѣ за подводы стоимость провизіи, наемъословъ и проводниковъ, о чемъ будемъ говорить ниже, то путешествіе къ Эльбрусу обошлось на человѣка по 8 руб. съ копейками, т.-е. съ небольшимъ по 1 рублю въ сутки, почти столько же, сколько и при поѣздкѣ въ Балкарію.

Какъ мы уже говорили, Балкарія находится въ истокахъ Черека, а теперь мы ѣхали къ истокамъ Баксана.

Изъ Нальчика нашъ путь лежалъ сначала на западъ ровною кабардинскою степью. Среди кабардинцевъ, представляющихъ воинственную и многочисленную отрасль черкесскаго племени,

существуетъ преданіе, что они въ незапамятныя времена переселились въ Предкавказье съ восточныхъ береговъ Чернаго моря, подъ предводительствомъ нѣкоего Кабарды Тамбіева, при чемъ, при императорѣ Юстиніанѣ, среди нихъ распространилось христіанство, которое и было господствующимъ вѣрованіемъ до начала XVIII вѣка. Русскіе въ очень отдаленныя времена познакомились съ кабардинцами, легенда которыхъ гласитъ, что при походѣ на Тмутаракань Мстиславъ, сынъ св. Владимира, вступалъ въ единоборство съ кабардинскимъ богатыремъ Редедою. Іоаннъ Грозный, принявъ въ подданство кабардинцевъ, строилъ въ Кабардѣ церкви и женился вторымъ бракомъ на черкесской княжнѣ Маріи Тимрюковнѣ. Въ дальнѣйшемъ исторія Кабарды представляетъ борьбу изъ-за нея между Россіею и Крымомъ, закончившуюся побѣдою послѣдняго, послѣ чего въ Кабардѣ введено было мусульманство.

Съ давнихъ временъ и по настоящее время кабардинцы слывутъ аристократами среди другихъ племенъ Нальчикскаго округа, при чемъ до сихъ поръ существуютъ строгія сословныя раздѣленія: князья, дворяне и простой народъ. Первыя два довольно многочисленныя сословія являются образчиками извѣстной выдержки, тона и манеръ, что, между прочимъ, проявляютъ въ нальчикскомъ общественномъ клубѣ. Здѣсь привилегированные кабардинцы выказываютъ весь свой „лоскъ“ и нерѣдко пользуются симпатіями „курсовыхъ“ дамъ, хотя—тоже нерѣдко—усиленное ухаживаніе за дамами со стороны знатныхъ кабардинцевъ заканчивается скандалами. Это тѣмъ болѣе понятно, что, несмотря на внѣшнее джентльменство, большин-

ство знатныхъ кабардинцевъ, въ сущности говоря, народъ невѣжественный. Изъ 54 степныхъ кабардинскихъ обществъ Нальчикскаго округа только въ 18-ти, и то за послѣдніе три года, устроены русскія школы. Въ остальныхъ же 36 имѣются лишь медрессе, въ которыхъ, за отсутствіемъ, какъ и у горскихъ племенъ, своей письменности, муллы обучаютъ кабардинскихъ дѣтей чтенію Корана на арабскомъ языкѣ. Въ русскихъ школахъ отъ 8 часовъ утра до 2 пополудни преподаются общіе предметы, а съ $4^1/_2$ до 6 происходитъ чтеніе Корана подъ руководствомъ мусульманскаго духовенства.

Послѣднее, какъ и духовенство всѣхъ странъ и народовъ, и является главнымъ тормозомъ просвѣщенія, при чемъ и мотивы одни и тѣ же: муллы основательно опасаются, что образованіе грозитъ потерею авторитета и Корана, и ихъ, муллъ.

Но перейдемъ къ описанію путешествія.

Скоро по выѣздѣ изъ Нальчика, при яркомъ утреннемъ свѣтѣ, на голубомъ чистомъ небѣ, въ юго-западной сторонѣ показался усѣченный конусъ Эльбруса съ замѣтнымъ углубленіемъ на рединѣ его. Любуясь Эльбрусомъ и другими снѣжными вершинами, хорошо видными, благодаря прекрасной погодѣ, мы незамѣтно подъѣхали къ быстрому Чегему, разбившемуся на много рукавовъ, черезъ которые намъ надо было переправиться въ бродъ. Въ это время теченіе было настолько сильное и воды такъ много, что фуры наши, чтобы онѣ не опрокинулись, поддерживали два кабардинца, ходившіе съ этою цѣлью взадъ и впередъ по Чегему съ высоко поддернутыми штанами. Отъ Чегема, по ту и другую сторону

котораго расположены „куденетовскіе“ аулы, дорога круто повернула на юго-западъ, прямо по направленію къ Эльбрусу, вершина котораго дѣлалась все виднѣе и виднѣе, но затѣмъ, когда мы подъѣхали къ большому подъему, скрылась.

На этотъ подъемъ мы отправились пѣшкомъ, что, къ слову сказать, дѣлали на всѣхъ подъемахъ и спускахъ, и вообще очень много шли пѣшкомъ, какъ съ цѣлью облегченія лошадямъ и избѣжанія тряски по каменистой дорогѣ, такъ и въ видахъ лучшаго ознакомленія съ мѣстностью. Здѣсь считаемъ необходимымъ замѣтить, что дѣти совершали пѣшеходныя путешествія съ необыкновенною выносливостью и большою охотою. Напримѣръ, одна девятилѣтняя дѣвочка нисколько не уступала намъ въ ходьбѣ и даже ѣздѣ верхомъ, а маленькій, кажется, третьяго класса гимназистъ поражалъ насъ своею неутомимостью. Онъ не только не уставалъ при обыкновенной ходьбѣ, но нерѣдко опережалъ всѣ фуры, возвращался назадъ, поднимался на ближайшія горы, собиралъ насѣкомыхъ и т. п.

Замѣчанія эти я дѣлаю съ цѣлью указать на возможность прекрасныхъ экскурсій не только для юношей, но и для дѣтей. Многіе родители сидятъ на мѣстахъ, ссылаясь на трудность поѣздокъ съ дѣтьми. Описываемыя мною путешествія совершенно опровергаютъ этотъ взглядъ. Дѣти нашей компаніи съѣздили и въ Балкарію и въ Урусбіевскій аулъ вполнѣ благополучно, получивъ массу истинныхъ наслажденій и громадную пользу для своего здоровья. Для взрослыхъ они не только не представляли никакого затрудненія, а, наоборотъ, вносили много оживленія въ нашу компанію.

Сдѣлавъ это небольшое отступленіе, возвращаемся къ описанію дороги. Съ подъема слѣдовалъ значительный спускъ къ Кишпеку, притоку Баксана (ямщики называли его „Ушпекъ“).

Послѣ небольшого отдыха на возвышенномъ берегу этой рѣчушки, на прекрасномъ лугу, подъ тѣнью дикой груши, намъ опять пришлось взобраться на большой подъемъ, съ высоты котораго открылась обширная степная долина сверкавшаго вдали Баксана, на берегу котораго было расположено много „Атажуковскихъ“ ауловъ. Аулы эти были и красивѣе, и зажиточнѣе горскихъ; они напоминали хорошія русскія села. Въ аулахъ видно было много садовъ, бѣлѣли дома, а когда ближе подъѣхали къ нимъ, то замѣтили, что сакли въ нихъ, повидимому, вытѣсняются деревянными избами. И не одними только аулами степняки отличаются отъ горцевъ. Въ то время, какъ у балкарцевъ и горцевъ вообще хлѣбопашество развито, какъ мы видѣли, въ незначительной степени, кабардинцы имѣютъ полную возможность вести земельное хозяйство и обширное скотоводство. Какъ извѣстно, кабардинскія лошади славятся далеко за предѣлами Кабарды, а обиліе овечьей шерсти дало возможность кабардинцамъ широко развить выработку знаменитыхъ кавказскихъ бурокъ. Помимо земледѣлія и скотоводства, кабардинцы занимаются огородничествомъ, отчасти садоводствомъ и есть попытки разведенія винограда. Но, къ сожалѣнію, все это ведется примитивно и въ размѣрахъ гораздо болѣе скромныхъ, чѣмъ это возможно на самомъ дѣлѣ. Въ распоряженіи кабардинцевъ имѣется весьма значительная площадь владѣнія: въ 1866 г. частные соб-

ственники получили въ надѣлъ свыше 90.000 дес., а общины — свыше 300.000 десятинъ земли, не считая находящихся въ общемъ пользованіи нагорныхъ пастбищъ и нѣкоторой части лѣса.

Причина низкой культуры, по нашему мнѣнію, кроется, съ одной стороны, въ невѣжествѣ, а съ другой — въ общественномъ строѣ кабардинцевъ, именно въ многочисленности привилегированныхъ малотрудящихся сословій.

Спустившись въ долину Баксана, мы скоро приблизились къ этой большой горной рѣкѣ и, переправившись на другой берегъ ея черезъ мостъ во 2-мъ Атажукинскомъ аулѣ, поѣхали параллельно Баксану, который сопровождалъ насъ уже до конца путешествія, до самаго того мѣста, гдѣ онъ спускается съ баксанскаго ледника Эльбруса.

За Атажукинскимъ ауломъ долина Баксана обрамлена невысокими, сравнительно, горами, съ неимовѣрнымъ количествомъ камней, какъ на самыхъ горахъ и у подножія ихъ, такъ и на дорогѣ.

Горы эти далѣе прерывались красивою широкою луговою долиной лѣваго притока р. Баксана, Гунделена, вытекающаго изъ главныхъ отроговъ Кавказскаго хребта.

Вода въ немъ мутная, но близъ моста имѣется очень хорошій родникъ съ чистою, холодною водою.

Неподалеку отъ Гунделена видны старинные, въ видѣ склеповъ, шестигранные памятники. Куполообразныя крыши ихъ поросли мхомъ и травою. Такіе памятники, къ слову сказать, мы видѣли и на берегу Чегема.

Намъ говорили, будто они сооружены надъ знатными кабардинцами въ очень отдаленныя вре-

мена. Гунделеномъ, собственно говоря, заканчивался нашъ степной путь, тянувшійся около пятидесяти верстъ, и отсюда уже начиналось ущелье Баксана. Въ отличіе отъ Черека, скалы котораго давали сѣрое и мощное впечатлѣніе, если можно такъ выразиться, скалы Баксана имѣютъ желтовато-красный оттѣнокъ, изобилуютъ пещерами и размоинами. Первый ночлегъ нашъ былъ за Гунделеномъ, на берегу Баксана, среди громадныхъ камней, когда-то, вѣроятно, свалившихся со скалы, что высилась надъ дорогою [1]).

За этимъ пунктомъ до Науразовскаго поселка, возлѣ котораго переѣхали поэтическій, но очень шаткій мостъ черезъ Баксанъ, и за поселкомъ, верстъ на пять-шесть, долина Баксана сопровождается живописными видами, при чемъ въ одномъ мѣстѣ показывается не надолго Эльбрусъ, но затѣмъ верстъ на двадцать путь идетъ среди оголенныхъ скалъ, напоминающихъ дикую Балкарію.

Остановившись отдохнуть у рѣчки Ксанты, притокѣ Баксана, мы, или, вѣрнѣе, наши ямщики съ трудомъ разыскали для костра дровъ на берегу Баксана, принесшаго ихъ изъ отдаленныхъ лѣсныхъ горъ. Мы начали было приходить уже въ отчаяніе, не предвидя конца путешествію по каменистой и ужасно тряской дорогѣ, однако дальнѣйшія впечатлѣнія заставили забыть всѣ эти неудобства. За рѣчкою Коржуханомъ долина Баксана рѣзко мѣняетъ свой видъ. Здѣсь мы достигли уже пояса сосны и березы, которыми

---

[1]) Мы хотѣли ночевать у сыроварни кн. Урусбіева, но не нашли ея.

были покрыты и скалы и долина, а нѣкоторыя полянки сплошь поросли клумбами вереска. Изъ-за лѣсистыхъ скалъ тамъ и сямъ начали показываться величественныя снѣжныя вершины.

Въ этотъ день мы думали достигнуть Урусбіевскаго аула, но подъ вечеръ, когда уже значительно стемнѣло, очутились въ безвыходномъ положеніи: путь нашъ упирался въ самый Баксанъ, подмывшій берегъ, по которому шла дорога. Дѣлать нечего, — пришлось заночевать, не достигнувъ цѣли, хотя, собственно говоря, мы хорошенько не знали,—далеко или близко до названнаго аула; верстъ здѣсь, какъ говорится, никто не мѣрилъ.

На другое утро мы рѣшили итти дальше пѣшкомъ, оставивъ ямщиковъ на мѣстѣ ночлега, такъ какъ, намъ казалось, ѣзда на колесахъ здѣсь прекращалась; но ямщики, произведя при, посредствѣ кольевъ, измѣреніе Баксана и изучивъ мѣстность, заявили, что пріѣдутъ за нами въ Урусбіевскій аулъ. Мы же, обогнувъ подмытый берегъ, дальше шествовали по грязи, по узкимъ бревнамъ и камнямъ. Къ счастью, Урусбіевскій аулъ оказался близко, и мы скоро достигли его.

Семнадцать лѣтъ тому назадъ аулъ этотъ посѣтили М. М. Ковалевскій и И. И. Иванюковъ [1]). Добрались они къ нему совсѣмъ съ другой стороны, именно изъ Кисловодска. Путь ихъ былъ таковъ: черезъ горы Каентюбъ и Кизилъ-Колбашъ, затѣмъ спускъ въ долину р. Малки, переправа черезъ нее и подъемъ въ ущелье Малки, далѣе,

---

[1]) См. «Вѣстн. Европы», январь 1886 г.

спускъ въ долину р. Шаукама, подъемъ на сосѣднюю съ Кынчыръ-Сыртъ гору и, наконецъ, Кертыкскій перевалъ.

Вотъ какъ описали они видъ съ вершины этого перевала, т.-е. съ горъ надъ Урусбіевскимъ ауломъ: „Подъ нами широкая Баксанская долина и множество саклей Урусбіевскаго аула, лежащаго на высотѣ 5.200 футовъ. Впереди, въ пурпуровомъ свѣтѣ отъ заходящаго солнца, цѣпь вѣчныхъ снѣговъ, прорываемая двумя круто подымающимися съ долины ущельями Адыръ-су и Адылъ-су. Съ ледяныхъ великановъ сползаютъ глетчеры сюда. Справа долина замыкается горами Тхоти-тау и Эльбрусомъ, а прямо передъ нами уходила въ небо семью конусами одна изъ самыхъ красивыхъ и высокихъ горъ Кавказа, Курмычи-баши.

„— Неронъ не могъ бы избрать себѣ лучшаго мѣста, — сказалъ одинъ изъ нашихъ товарищей.

„Всѣ члены нашего общества были хорошо знакомы съ Швейцаріею, и всѣ мы соглашались, что такихъ красотъ, такого величія природы, какія мы видѣли въ послѣдніе два дня, не найдешь въ Швейцаріи“.

Позволю себѣ привести еще одну небольшую выдержку изъ путешествія нашихъ уважаемыхъ ученыхъ, касающуюся уже самого Урусбіевскаго аула.

„Дѣдъ Измаила Урусбіева (нынѣшняго владѣльца аула) пришелъ изъ Кабарды въ незанятую никѣмъ Баксанскую долину и положилъ здѣсь основаніе нынѣшнему Урусбіевскому аулу. Въ немъ 294 двора съ 2.200 душами. Аулъ владѣетъ пахатной землей и сѣнокосами въ размѣрѣ 200 десятинъ и пользуется даромъ лѣсомъ изъ громаднаго баксанк-

скаго урочища, состоящаго въ спорѣ между казною и княземъ Урусбіевымъ.

„Скотоводство служитъ важнѣйшимъ источникомъ благосостоянія аула. Крупнаго скота и лошадей насчитывали въ немъ 4.860 штукъ, барановъ и овецъ—до 48.000

„Страна, заселенная въ наши дни горскими татарами, по всѣмъ признакамъ была занята до ихъ прихода осетинами, доказательствомъ чему служатъ названія горъ, рѣкъ, слѣды культа, которыми осетины окружали Божію Матерь, а также раскопки и институты гражданскаго и уголовнаго права и процессуальныя правила, построенныя у татаръ буквально на тѣхъ самыхъ началахъ, что и у осетинъ.

„Подобно другимъ народностямъ Кавказа, татары доселѣ живутъ родовыми сообществами. Нерѣдко цѣлые аулы, каковы, напримѣръ, Азрокіевскій или Урусбіевскій, основываются исключительно однимъ родомъ, который въ этомъ случаѣ и переноситъ свое фамильное названіе“.

Теперь передадимъ наше впечатлѣніе отъ Урусбіевскаго аула, а затѣмъ опишемъ путь отъ него къ подножію Эльбруса, замѣтивъ, что М. М. Ковалевскій и И. И. Иванюковъ, судя по ихъ даннымъ, достигли этой горы инымъ путемъ, чѣмъ я.

Передъ ауломъ былъ мостъ черезъ Баксанъ, а съ горы стремилась бурная горная рѣчка Кертыкъ. На берегу этой рѣчки мы увидѣли мѣстнаго волостного писаря, который ловилъ удочкою форелей. Онъ-то и сдѣлался нашимъ чичероне.

Скоро изъ разныхъ мѣстъ появились любопытные урусбіевцы и урусбіевки, и, въ сопровожденіи ихъ, мы, во главѣ съ писаремъ, направились

среди грязныхъ саклей къ волостному правленію. Бѣдность, нищета и грязь здѣсь бросались въ глаза, такъ же, какъ и въ Кунимскомъ аулѣ Балкаріи. Отличіе было лишь то, что сакли въ Урусбіевскомъ аулѣ были сложены не изъ валуновъ, какъ въ балкарскихъ аулахъ, а изъ трухляваго дерева.

Вслѣдствіе пожара, уничтожившаго домъ волостного правленія, послѣднее ютилось въ маленькой избѣ, гдѣ стоялъ столъ, а надъ столомъ висѣлъ портретъ государя.

Въ избу эту вслѣдъ за нами явились урусбіевцы, у которыхъ мы стали торговать куръ, яйца, молоко, а также договариваться относительно ословъ и проводниковъ для путешествія къ Эльбрусу. Бесѣда велась при посредствѣ писаря, исполнявшаго роль толмача, и ни къ чему не привела. Урусбіевцы запрашивали несуразныя цѣны, и мы, ничего не купивъ, а договорившись лишь относительно ословъ и проводника, но опять-таки настолько неопредѣленно, что впослѣдствіи, какъ увидимъ, и это вызвало недоразумѣніе, постарались поскорѣе уйти изъ аула отъ назойливыхъ и дикихъ его обитателей на другую сторону Баксана, куда уже прибыли ямщики и устроили лагерь среди раскаленныхъ солнечными лучами камней. Но и здѣсь покоя мы не нашли: вслѣдъ за нами скоро явились аульцы, продолжая съ любопытствомъ разсматривать насъ и дѣлиться между собою впечатлѣніями, при чемъ женскій полъ, среди которыхъ были и миловидныя личики урусбіевокъ, болѣе всего интересовался нашими барышнями, тщательно изучая ихъ костюмы и уборы. Подкрѣпившись пищею, мы, оставивъ нашихъ ямщиковъ,

отправились пѣшкомъ къ конечной цѣли нашего путешествія—къ Эльбрусу, предшествуемые двумя ослами, нагруженными вещами и провизіею, и верховымъ проводникомъ. Сколько намъ надо было итти до Эльбруса, мы не знали, такъ какъ показанія были самыя противорѣчивыя: одни говорили, четыре часа, другіе — пять, а можетъ, шесть и даже семь часовъ, т.-е., другими словами, считая ходьбы въ часъ 3 версты, выходило отъ 12 до 21 версты.

Отъ Урусбіевскаго аула довольно широкая дорога шла среди отгороженныхъ луговъ, а затѣмъ начался прекрасный сосновый лѣсъ, сопровождавшій насъ уже до Эльбруса. Верстахъ въ 8-ми отъ Урусбіева, на правомъ берегу Баксана ясно вырисовывается прекрасный ледникъ, а Баксанъ въ этомъ мѣстѣ, запруженный обвалами, кипитъ и реветъ, образуя нѣчто въ родѣ водопада. Еще великолѣпнѣе видъ, верстахъ въ 12-ти за Урусбіевскимъ ауломъ, въ мѣстѣ, гдѣ Баксанъ раздѣляется на два рукава и черезъ него перекинутъ мостикъ. Противъ этого мостика изъ-за темно-зеленыхъ рамокъ, образуемыхъ лѣсистыми горами, высится чудной красоты ледникъ, спускающійся съ черной, напоминающей замокъ, скалы.

Чѣмъ дальше, тѣмъ ущелье Баксана дѣлалось уже и уже, но дорога все время шла почти у самаго берега, никогда не доходя до такихъ крутизнъ, какъ въ долинѣ р. Черека.

Созерцаніе прекрасныхъ видовъ, вѣроятно, было причиною, что до „сторожки“ (кажется, № 19), расположенной всего въ 15 верстахъ отъ Урусбіева, шли мы очень долго. Сторожка эта находится на

лѣвомъ берегу Баксана. Въ ней живутъ три или четыре представителя ветеринарнаго надзора, которые врядъ ли имѣютъ возможность услѣдить за всѣмъ скотомъ, который гонятъ черезъ горные перевалы изъ Сванетіи и Кубанской области, а единственному ветеринарному врачу на весь Нальчикскій округъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ физической возможности надзирать за всѣми сторожками. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что южныя земства указываютъ на Кавказъ, какъ на главный источникъ распространенія болѣзней скота.

Обитатели сторожки предлагали намъ заночевать у нихъ, но мы имѣли неосторожность послушаться нашего проводника и отправились на три версты дальше, къ аулу Кейсрюльчикъ. У проводника оказалась здѣсь сестра, чѣмъ и объяснилось его стремленіе къ этому аулу, а мы не мало здѣсь претерпѣли, хотя, впрочемъ, многому и научились.

Окружившіе насъ, по обыкновенію, любопытствующіе и назойливые горцы, мужского и женскаго пола, предлагали намъ ночевать въ сакляхъ. Но мы, конечно, не согласились, потому что эти сакли, какъ и во всѣхъ аулахъ, представляли внутри помѣщенія, совершенно не удовлетворявшія самымъ элементарнымъ запросамъ мало-мальски культурнаго человѣка, не говоря о массѣ насѣкомыхъ, наводняющихъ жилища горцевъ. Кромѣ того, погода была великолѣпная, и мы съ удовольствіемъ расположились на ночлегъ на полянѣ, окруженной сосновымъ лѣсомъ, горами, Баксаномъ и его небольшимъ, шумнымъ притокомъ, при чемъ лично мнѣ очень понравилось мѣсто на самомъ

берегу Баксана подъ громадною сосною. Скоро ко мнѣ присоединились еще нѣкоторыя лица изъ нашей компаніи, такъ что образовалось два лагеря, при чемъ мой лагерь натаскалъ множество сосновыхъ дровъ, и мы разложили большой костеръ.

Часовъ около десяти оба лагеря начали укладываться спать, чтобы проснуться возможно раньше и итти къ Эльбрусу, разстояніе до котораго и теперь было намъ совершенно неизвѣстно, такъ какъ горцы говорили разно, да и въ сторожкѣ ничего опредѣленнаго не сказали.

Ночь была превосходная. На ясномъ небѣ блистали и звѣзды и серпъ первой четверти луны; свѣжій горный воздухъ былъ насыщенъ смолистымъ ароматомъ сосноваго лѣса; мелодично шумѣли Баксанъ и его притокъ, а имъ время отъ времени тихо и таинственно аккомпанировалъ сосновый лѣсъ.

Усталые, мы скоро уснули подъ эту музыку природы. Не болѣе какъ черезъ часъ я былъ разбуженъ раскатами грома. Открываю глаза и вижу, что надъ головою изъ-за вершины одной горы показывается туча. Но такъ какъ оставалась еще большая площадь яснаго неба, я рѣшилъ, что гроза, должно-быть, разыгралась въ одной изъ долинъ высокихъ горъ, темными массами окружавшихъ нашъ лагерь, и, опять, укрывшись одѣяломъ съ головою, предался сну. Однако очень скоро сильный громовой ударъ вторично разбудилъ меня, при чемъ на этотъ разъ представилась совсѣмъ иная картина. Тьма была непроглядная; Баксанъ и его притокъ ревѣли; лѣсъ мрачно шумѣлъ; раскаты грома грозно раздавались въ горахъ и шелъ дождь. Вскочивши на

ноги, нашъ лагерь кое-какъ развелъ потухшій костеръ, благодаря свѣту котораго, насъ нашелъ товарищъ изъ другого лагеря. Онъ сообщилъ, что дѣла его лагеря плохи: должно-быть, всѣ уже измокли, а проводникъ ничего и знать не желаетъ. На предложеніе переночевать въ саклѣ проводникъ заявилъ, что ночью въ сакли итти нельзя, и порекомендовалъ, укрывшись бурками, взятыми напрокатъ, спать. При этомъ самъ плотно укутался въ бурку и уснулъ, не обращая ровно никакого вниманія на разыгравшуюся стихію.

— Можетъ-быть, вы что-нибудь сдѣлаете,— прибавилъ товарищъ.

Я отрицалъ возможность вліянія на упрямаго горца, и старался разложить большой костеръ, но, къ сожалѣнію, дровъ было мало, и сильный дождь препятствовалъ горѣнію.

Мы рѣшили было какъ-нибудь дождаться разсвѣта, но когда ливень усилился, отправились скопомъ воздѣйствовать на проводника. Блуждая во тьмѣ и опасаясь какъ-нибудь не попасть въ бурныя горныя рѣки, мы кое-какъ добрались, наконецъ, до другого лагеря и здѣсь узнали, что проводникъ съ курсисткою и одною дамою ушли въ саклю. Измокшіе, мы выражали негодованіе и на проводника и на нашихъ спутницъ, ушедшихъ безъ насъ, какъ вдругъ изъ тьмы появился проводникъ и предложилъ и намъ всѣмъ итти за нимъ.

Раемъ показалось намъ теперь грязное, низкое, съ землянымъ поломъ жилище горца, и мы всѣ бросились къ костру, разложенному у одной изъ стѣнъ, обступили его и стали сушить свои совершенно мокрыя платья.

Теперь только мы поняли, какъ легкомысленно путешествовали. Хорошо, что насъ сопровождала хорошая погода, но попади мы въ дождливое время—Богъ вѣсть, какія были бы послѣдствія. При этомъ я пришелъ къ глубокому убѣжденію, что всего необходимѣе имѣть съ собою брезентную палатку. Обязательно слѣдуетъ имѣть собственныя кавказскія бурки на каждаго путешествующаго, а не брать напрокатъ одну на два человѣка, какъ это сдѣлали мы. Никакая погода не была бы опасна, если бы мы, завернутые каждый въ свою бурку, спали подъ прикрытіемъ палатки. Въ эту же ночь выяснилась необходимость имѣть топоръ для рубки дровъ и непремѣнно—фонарь: безъ свѣта въ темную ночь грозитъ опасность попасть въ горную рѣчку, при чемъ оступиться въ такую рѣку, какъ Баксанъ, это почти вѣрная смерть.

Усталые послѣ безсонной ночи и пѣшаго путешествія, промокшіе до ниточки, мы были въ такомъ мрачномъ настроеніи, что отказались итти на Эльбрусъ, и рѣшили возвратиться обратно въ Урусбіево. Ранній разсвѣтъ нисколько не измѣнилъ нашего намѣренія; такъ какъ небо и горы были покрыты тучами, и дождь не переставалъ. Но стоило черезъ нѣкоторое время выглянуть солнышку, какъ съ нимъ возвратилась бодрость, и кто еще могъ волочить ноги, рѣшили достигнуть Эльбруса. Это были: я, литераторъ со старшею дочерью и бонною и петербургская дама съ двумя гимназистами.

Оставивъ своего проводника и ословъ въ распоряженіе дамъ, которыя не были въ состояніи итти съ нами и возвращались въ сторожку, чтобы тамъ

окончательно обсушиться, отдохнуть и ждать нашего прихода, мы взяли въ проводники стараго горца, не знавшаго ни единаго русскаго слова. Къ нашему удивленію, прежній нашъ проводникъ заявилъ, что съ этимъ старикомъ горцемъ мы въ три часа сходимъ на Эльбрусъ и обратно! А вчера еще рѣчь шла о четырехъ и даже пяти часахъ ходьбы только до Эльбруса.

Старый горецъ, заложивъ палку за спину и просунувъ ее подъ обѣ руки, пошелъ быстрыми шагами впередъ, заставляя насъ напрягать всѣ оставшіяся силы, чтобы не отставать отъ него.

А дорога была нелегкая. Тотчасъ за ауломъ Кейсрюльчикъ она среди лѣса шла прямо въ гору, при чемъ первыя двѣ версты наши ноги почти по щиколотку увязали въ навозѣ, такъ какъ путь шелъ по скотопрогонной тропѣ, размытой теперь дождемъ. Далѣе лѣсъ дѣлался гуще и гуще; на каждомъ шагу встрѣчались горныя рѣчки, поваленныя деревья, камни. Приходилось прыгать, перелѣзать, скакать, вообще находить точки опоры, чтобы удержаться на ногахъ, не выкупаться въ водѣ и т. п. Когда, въ особенно затруднительныхъ случаяхъ, мы взывали къ проводнику, онъ оборачивался, но, не понимая, чего мы отъ него требуемъ, улыбался и показывалъ палкою впередъ. Наконецъ, черезъ часъ и 45 минутъ отчаянной ходьбы, мы достигли конечной цѣли нашего путешествія, очутившись въ такой чудной мѣстности, что моментально забыли пройденный путь и не чувствовали, казалось, никакой усталости. Это была сравнительно небольшая зеленая долина, со всѣхъ сторонъ окруженная величественными снѣжными горами, съ которыхъ

спускались ледники. Горы эти были: Эльбрусъ и его отроги,—Азау и Донгузорунъ.

Напившись прекраснаго холоднаго айрану въ аулѣ Качкаровъ, расположенномъ въ названной долинѣ, поближе къ Эльбрусу, мы, перешедши по дощечкѣ черезъ бурный, но узкій здѣсь Баксанъ, поднялись на ближайшую къ аулу гору, чтобы оттуда полюбоваться рѣдкою по своей прелести мѣстностью. Съ этой горы вправо видны были Эльбрусъ, главнымъ образомъ, снѣжныя поля его съ моренами, и громадный ледникъ, спускавшійся отвѣсною стѣною въ долину; съ этого ледника ниспадалъ одинъ изъ притоковъ Баксана, или, какъ увѣряли аульцы, „самъ Баксанъ"; впереди высился Азау, также съ громаднымъ ледникомъ, а влѣво виднѣлся неподражаемый по красотѣ снѣжный великанъ Донгузорунъ, важнѣйшій перевалъ, черезъ который гонятъ скотъ изъ Сванетіи и Кубанской области. Сочетаніе дѣвственной бѣлизны снѣговъ съ сверкающими водами, ниспадавшими съ ледниковъ, съ темной зеленью сосенъ, поднявшихся къ самымъ снѣгамъ, и ярко-голубымъ цвѣтомъ неба давали такую прелестную картину, какую, казалось, не можетъ нарисовать самая богатая фантазія...

Повидимому, этотъ уголокъ описывали въ „Вѣстникѣ Европы" М. М. Ковалевскій и И. И. Иванюковъ. Именно они писали (янв. 1886 г.):

„Долиною, вверхъ по теченію Баксана, прибыли въ полдень къ подошвѣ Тхоти-тау, стоящей на границѣ трехъ областей: Кубанской, Терской и Кутаисской. Здѣсь начинается перевалъ. Намъ предстояло подняться по южному склону Тхоти-тау и затѣмъ, послѣ небольшого спуска, взби-

раться на Донгузорунъ, составляющій собою продолженіе Эльбруса съ южной его стороны.

„Остановились отдохнуть. Лежа подъ соснами среди очаровательной обстановки и слушая сообщенія князя (Урусбіева) о богатствѣ источниковъ въ этомъ мѣстѣ долины—источниковъ щелочныхъ, желѣзныхъ, углекислыхъ, мы фантазировали о томъ, какой прекрасный лѣчебный пунктъ могъ бы быть устроенъ у подошвы Тхоти-Тау и Эльбруса. Въ отношеніи природы и чистоты воздуха онъ не имѣлъ бы себѣ соперниковъ и въ то же время кругомъ обширные хвойные лѣса, ровныя прогулки по долинѣ и интереснѣйшія горныя экскурсіи. Провести дорогу отъ Баксанскаго поста по долинѣ не представляло бы никакихъ трудностей, а отъ Баксанскаго поста уже имѣется почтовый трактъ во Владикавказъ.

При подъемѣ на Донгузорунъ „любовались колоссальными глетчерами южной стороны Эльбруса, Азау и Терескалы. Азау больше Mer de glace Монблана, а Терескалы—едва ли не единственный по своей формѣ и красотѣ глетчеръ; онъ представляетъ нѣсколько рядовъ ледяныхъ скалъ, громоздящихся амфитеатромъ. Баксанъ выходилъ изъ ущелья, образуемаго горами Чегетъ-Кара и Тхоти-Тау“.

Въ этомъ описаніи насъ удивляетъ только сообщеніе, что отъ „Баксанскаго поста уже имѣется почтовый трактъ во Владикавказъ“.

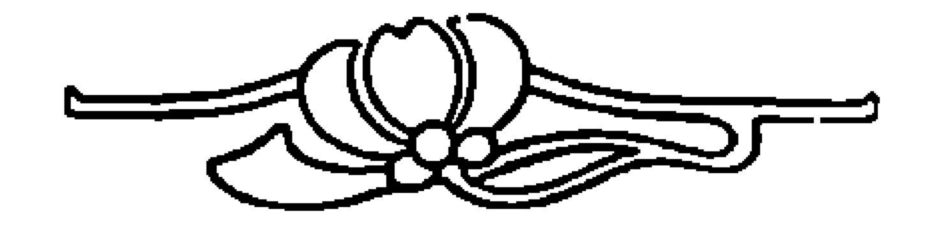
Насколько намъ извѣстно, колесный путь до Урусбіева и далѣе до сторожки на Баксанѣ имѣется только отъ Нальчика, это именно путь, который описанъ въ настоящей статьѣ. Но это не „почтовая дорога“, а проселочная, и до Урусбіева

ходитъ лишь волостная почта отъ Нальчика, а чтобы отъ этого послѣдняго проѣхать во Владикавказъ, необходимо сначала отправиться до станціи „Котляревской“ и отъ нея ѣхать по Владикавказской желѣзной дорогѣ — другого пути, кажется, нѣтъ, если, конечно, не считать горныхъ тропъ.

Описанная нами дорога отъ Нальчика, вѣроятно, кратчайшая и наиболѣе удобная изъ всѣхъ существующихъ дорогъ къ высочайшей и, быть-можетъ, прелестнѣйшей вершинѣ въ Европѣ, и мы положительно рекомендуемъ всѣмъ, желающимъ насладиться природою Кавказа, проѣхать по этому пути къ Эльбрусу и пожить въ только что описанной долинѣ возможно дольше, запасшись провизіею, палаткою и теплой одеждою. Помимо удовольствія, болѣе или менѣе продолжительное пребываніе въ аулѣ Качкарова даетъ возможность найти здѣсь много интереснаго въ смыслѣ знакомства съ природою въ области величайшихъ горъ. Намъ же надо было поскорѣе возвратиться обратно въ сторожку за нашими дамами, а затѣмъ итти въ Урусбіевскій аулъ, куда мы и прибыли вечеромъ того же дня. Здѣсь, при расплатѣ съ проводникомъ, вышло недоразумѣніе, о которомъ говорилось выше. Именно, мы, договариваясь при посредствѣ урусбіевскаго писаря, поняли, что за ословъ проводникъ требовалъ полтора рубля за каждаго осла за весь путь отъ Урусбіева до Эльбруса. Оказалось же, что уплатить надо было по полтора рубля въ сутки за каждаго осла, и ему, проводнику, также по два рубля въ день. Проводникъ же, сопровождавшій насъ отъ аула Кейсрюльчика до Эльбруса и обратно, особо получилъ полтора рубля за пять часовъ. Переночевавъ

въ Урусбіевскомъ аулѣ, мы рано утромъ на другой день отправились въ Нальчикъ и ровно черезъ сутки достигли этой слободы.

Совершивъ безъ перерыва оба описанныя путешествія, т.-е., съѣздивъ въ Балкарію и на Эльбрусъ, что въ общемъ составило 420 вер., изъ которыхъ, вѣроятно, верстъ 120, если не больше, пришлось итти пѣшкомъ, я не чувствовалъ почти никакой усталости. Точно такъ же превосходно чувствовала себя и вся компанія, не исключая дѣтей. Несмотря на то, что намъ пришлось мокнуть, переходить въ бродъ рѣки, купаться въ страшно жаркіе дни въ такой ледяной водѣ, что нѣмѣли члены, несмотря на все это, никто не получилъ даже насморка. И это объясняется, несомнѣнно, чуднымъ горнымъ воздухомъ, который можетъ, кажется, воскрешать мертвыхъ.

III.

Пѣшкомъ изъ Осетіи въ Грузію.

Начальнымъ пунктомъ нашего путешествія мы избрали станцію „Даргъ-Кохъ“, Владикавказской желѣзной дороги, куда прибыли утромъ 27 іюня 1904 года [1]). Вопреки увѣреніямъ нѣкоторыхъ „путиводителей“ и путешественниковъ, эта станція оказалась весьма удобною для поѣздки отъ нея въ Алагиръ, откуда начинается Военно-осетинская дорога. За 2 р. 50 к. съ персоны мы наняли здѣсь линейку до Алагира (разстояніе 27 вер.).

Дорога отъ „Даргъ-Коха“ до Алагира хорошая, степная. Она идетъ въ виду снѣжныхъ вершинъ главнаго Кавказскаго хребта. Сейчасъ за вокзаломъ переѣзжаемъ по мосту притокъ р. Терека, р. Амбилевку, а въ недалекомъ разстояніи отъ послѣдней протекаетъ и самъ бурный Терекъ, черезъ который переправляются на паромѣ. На-

---

[1]) Основная компанія состояла изъ пяти лицъ: меня, трехъ учителей гимназіи и одного приватъ-доцента. Впослѣдствіи къ намъ присоединились: студентъ медицинской академіи, преподаватель учительской семинаріи, классная дама, вдова земскаго врача и двѣ дѣвушки, только что окончившія гимназіи.

конецъ на 11-й верстѣ отъ „Даргъ-Коха“ протекаетъ притокъ р. Ардона, р. Таркай-донъ. Ее мы переѣзжаемъ въ бродъ.

Переѣхавъ Таркай-донъ, мы достигли станицы Ардонской, населенной терскими казаками и осетинами. Въ ней много кирпичныхъ домовъ съ черепичными крышами, широкія улицы и, что удивительно, нѣсколько бульваровъ, обсаженныхъ тѣнистыми акаціями. За станицей продолжается та же гладкая, довольно ровная степь, которая подходитъ почти вплоть къ Алагиру, расположенному уже въ самомъ преддверіи главнаго Кавказскаго хребта. Въ административномъ отношеніи селеніе Алагиръ входитъ въ составъ Владикавказскаго округа, Терской области. Расположено оно въ долинѣ р. Ардона, на лѣвомъ берегу его, недалеко отъ входа въ Алагирское ущелье. Основанное въ 1850 г., оно до 1863 г. называлось „Горною станицей“. Причиною возникновенія его послужило основаніе здѣсь казеннаго Алагирскаго серебро-свинцоваго завода для плавки рудъ, добываемыхъ изъ Садонскаго пріиска. Первые рабочіе были выписаны въ Алагиръ изъ Луганскаго литейнаго завода (Екатеринославской губ.); затѣмъ стали прибывать мастеровые съ уральскихъ заводовъ и, наконецъ, мастеровые съ алтайскихъ заводовъ. Вокругъ станицы былъ выкопанъ глубокій ровъ, а валъ былъ покрытъ колючимъ кустарникомъ, и съ четырехъ сторонъ станицы устроены были на валу батареи. Одновременно съ устройствомъ станицы производилась и постройка серебро-плавильнаго завода. Она окончена была въ 1853 году, и 19 мая того же года заводъ былъ пущенъ въ дѣйствіе. Заводъ этотъ имѣетъ видъ

укрѣпленія и занимаетъ площадь въ 1.200 кв. саженъ; выстроенъ онъ изъ трахитоваго туфа, добывающагося изъ скалы, недалеко отъ мѣста постройки. Къ началу 1854 года въ селеніи были совершенно окончены почти всѣ необходимыя зданія. Одновременно съ этимъ шла работа по проложенію горной дороги по Алагирскому ущелью до Садонскаго рудника, на протяженіи 33-хъ верстъ. Въ 1861 году состоялось Высочайше утвержденное положеніе о горнозаводскомъ населеніи, въ силу котораго измѣнился весь строй заводовъ. Въ Алагирѣ освобожденіе горнозаводскихъ крестьянъ началось съ 1862 года и окончилось въ 1863 году. Въ это переходное время дѣйствіе завода было пріостановлено. Возобновленное затѣмъ въ 1863 г., оно не прекращалось въ теченіе 32-хъ лѣтъ почти до начала 1896 г., когда заводъ былъ закрытъ по его невыгодности для казны. Впослѣдствіи въ Алагиръ переселились крестьяне изъ Вятской губерніи и многіе имеретины, которые пріобрѣли подъ усадьбы мѣста, отведенныя кореннымъ жителямъ подъ огороды, рядомъ съ чертой селенія.

Къ 1-му января 1899 г. въ Алагирѣ числились 3.159 душъ (1.678 мужчинъ и 1.486 женщинъ). Пришлый элементъ далеко превышаетъ численностью коренное населеніе и является господствующимъ. Коренное населеніе состоитъ преимущественно изъ ремесленниковъ. Земледѣліемъ, исключая незначительнаго посѣва кукурузы, они не занимаются и большую часть надѣльной земли сдаютъ въ аренду проживающимъ въ Алагирѣ осетинамъ и имеретинамъ, которые усердно занимаются посѣвомъ кукурузы. Наиболѣе замѣт-

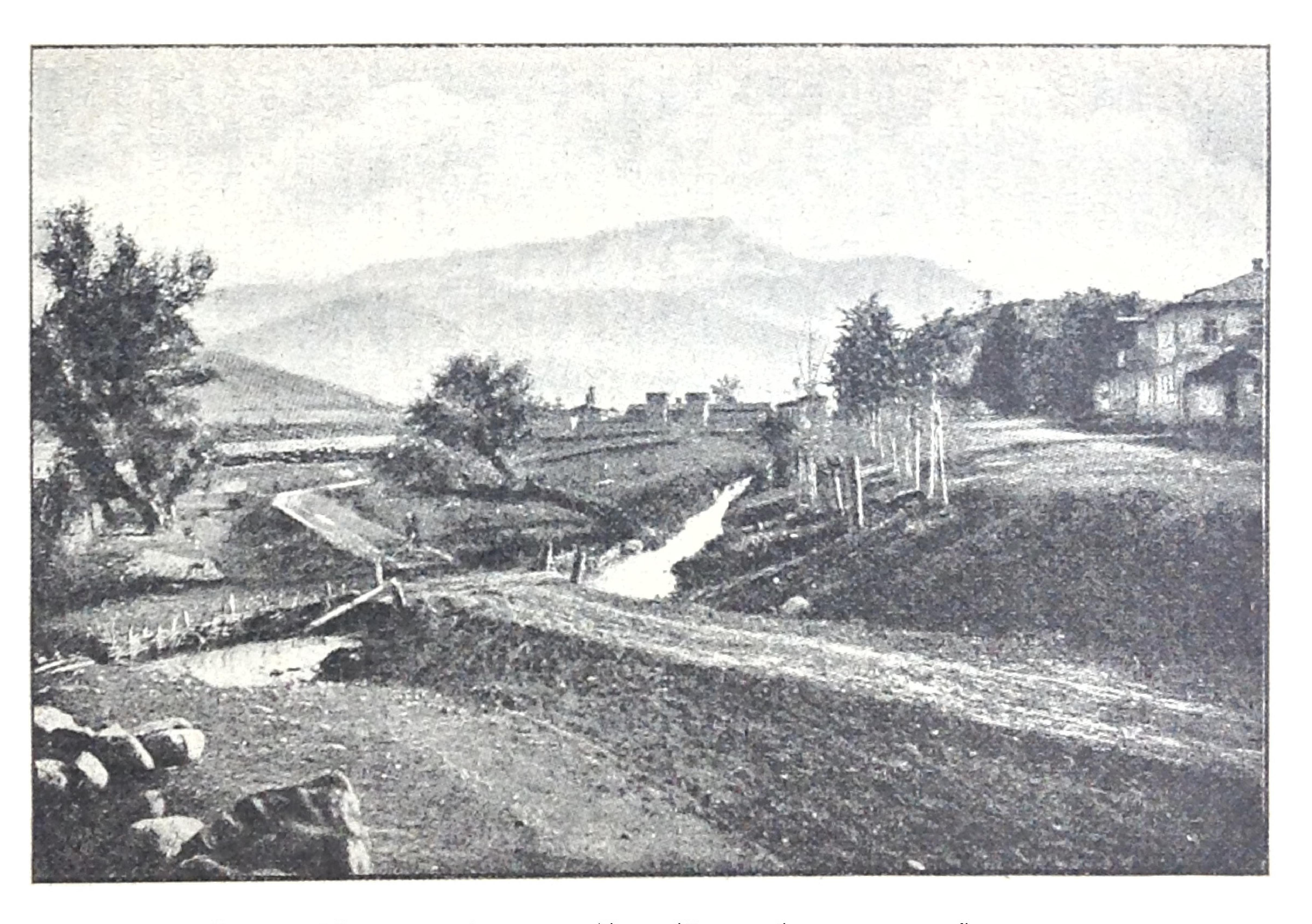

Рис. 7. Мѣстечко Алатиръ. Бывшій серебро-свинцовый заводъ.

нымъ хозяйствомъ является садоводство. Развитіе его относится къ 1852 году, когда былъ насажденъ здѣсь казенный садъ.

Для переѣзда въ Они мы рѣшили взять одну арбу у мѣстнаго осетина, Савелья Кособіева, который согласился быть нашимъ возчикомъ съ платой по 2 р. 25 к. въ сутки на нашихъ харчахъ. Называю имя и фамилію этого осетина, такъ какъ онъ оказался въ высшей степени честнымъ и добросовѣстнымъ человѣкомъ, котораго безбоязненно можно рекомендовать другимъ путешественникамъ. Сдѣлавъ необходимыя закупки, мы отправились осматривать селеніе. Алагиръ занимаетъ среднее мѣсто между селомъ и захолустнымъ уѣзднымъ городомъ. Изъ учебныхъ заведеній имѣются въ немъ лишь двѣ начальныя школы, изъ которыхъ одна—церковно-приходская. Есть также порядочная общественная библіотека. Жить въ Алагирѣ, конечно, непривлекательно, но кто любитъ природу, тому окрестности Алагира могутъ дать большое удовлетвореніе. Расположенный на высотѣ около 300 саж. надъ уровнемъ моря у самаго подножья прекрасныхъ зеленыхъ горъ, у входа въ чудное Ардонское ущелье, Алагиръ можетъ служить прекраснымъ дачнымъ мѣстомъ на лѣтнее время. Въ ясную хорошую погоду изъ Алагира открывается прелестная панорама на снѣжныя вершины Кавказскаго хребта. Мѣстомъ прогулки алагирцевъ служитъ тѣнистая аллея въ концѣ селенія, по направленію къ Ардонскому ущелью. Рѣка Ардонъ протекаетъ въ полверстѣ отъ Алагира, а въ селеніе проведенъ отъ рѣки каналъ. Онъ содержится грязно, такъ какъ въ немъ и бѣлье моютъ, и гуси плаваютъ, и дѣти

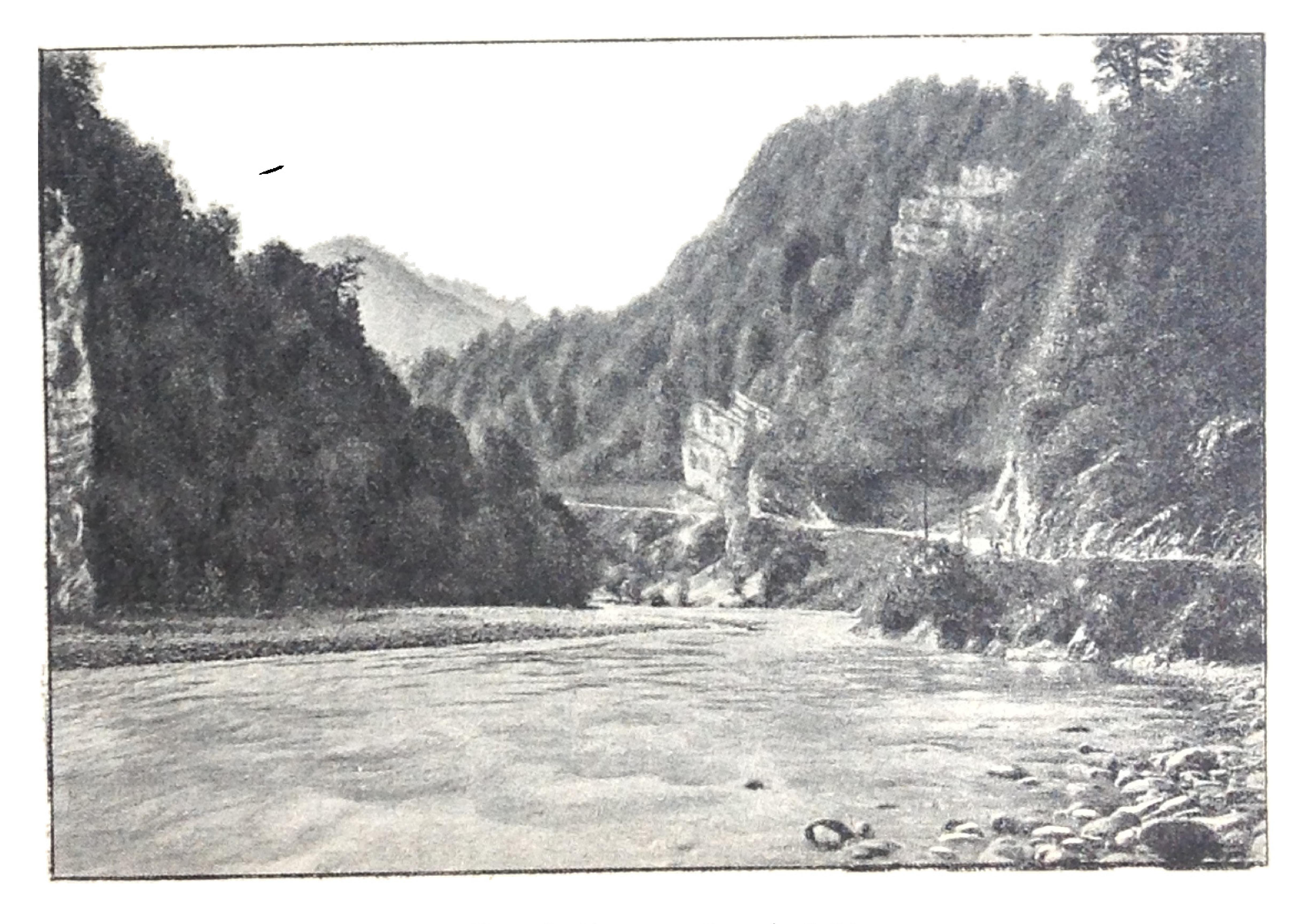

Рис. 8. Долина рѣки Ардона.

купаются. Алагирцы не смущаются этой грязью и пьютъ изъ канала воду. Въ селеніе два раза въ недѣлю приходитъ почта и столько же разъ отходитъ на „Даргъ-Кохъ“.

Изъ Алагира мы вышли въ $5^1/_2$ час. утра 28 іюня. Миновавъ бывшій серебряно-свинцовый заводъ, мы достигли зеленой, веселой долины, поросшей тѣнистыми дикими грушами, дубами, буками и акаціями. Пройдя версты $1^1/_2$ — 2, мы достигли Ардона, мутно-бѣлесоватыя воды котораго шумѣли среди горъ, обступившихъ рѣку съ обѣихъ сторонъ. Дорога шла по лѣвому берегу Ардона.

Ардонское ущелье можно раздѣлить на три отдѣла. Первый тянется отъ Алагира до аула Бизъ, на разстояніи 15-ти верстъ; второй — отъ аула Бизъ до аула Нузалъ, 16 верстъ, и третій — отъ аула Нузалъ до урочища Св. Николая, т.-е. до начала Кассарскаго ущелья, около 9-ти верстъ.

Ближайшія береговыя горы, окаймляющія первый отдѣлъ долины, покрыты густою и разнообразною растительностью. Тутъ вы встрѣчаете орѣшникъ, кленъ, ольху, дубы и вязы; изъ-за этихъ лѣсистыхъ горъ выглядываютъ еще болѣе высокія горы, покрытыя ярко-зеленою, бархатистою травой—это альпійскія пастбища, а за ними тянутся суровыя, отвѣсныя, острыя скалы, уже лишенныя всякой растительности; впереди, почти на всемъ пути, ущелье замыкается черною скалой со снѣжными полосами, а иногда показывается бѣлоснѣжная вершина, вѣроятно, Адай-Хоха.

Дорога, вьющаяся по узкому карнизу лѣваго берега, то спускается къ Ардону, то высоко поднимается надъ нимъ, проходя нерѣдко по мѣ-

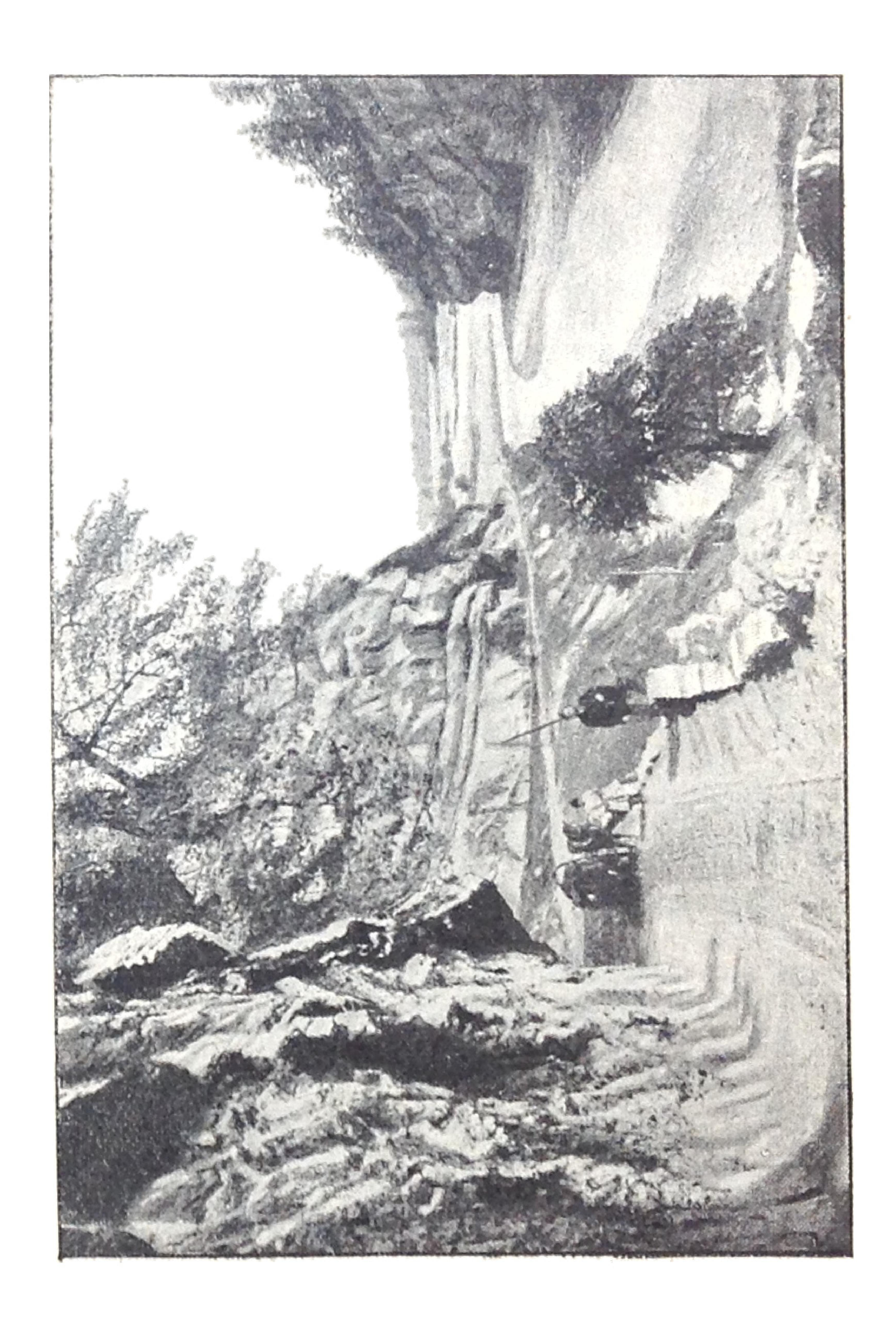
стамъ, вызывающимъ головокруженіе у непривычнаго путника. Иногда дорога такъ узка, что диву даешься, какъ разъѣзжаются здѣсь арбы, а, между тѣмъ, ѣзда здѣсь довольно частая, и, кромѣ того, прогоняется не мало скота, преимущественно барановъ и козъ.

Начиная съ 5 версты отъ Алагира, время отъ времени доносится изъ ущелья сначала легкій, а потомъ все болѣе тяжелый запахъ сѣроводорода. На 9-й отъ Алагира верстѣ дорогу пересѣкаетъ свѣтлый, холодный горный потокъ Тамисти-донъ, который мы перешли въ бродъ. Верстахъ въ двухъ за этимъ потокомъ мы нашли и причину сѣроводородистаго запаха. Здѣсь надъ дорогой нависла скала, а у подножія ея или, вѣрнѣе, подъ нею—цѣлое сѣрнистое озеро, вода котораго просачивается въ Ардонъ. Пройдя 4 версты отъ сѣрныхъ источниковъ, мы достигли аула Бизъ, гдѣ и сдѣлали первый привалъ.

Отъ аула Бизъ начинается второй отдѣлъ Ардонскаго ущелья, не имѣющій ничего общаго съ первымъ. Въ этомъ отдѣлѣ вмѣсто великановъ, поросшихъ разнообразною растительностью, по обѣимъ сторонамъ Ардона тянутся почти голыя скалы самыхъ прихотливыхъ формъ. Чѣмъ дальше отъ Биза, тѣмъ скалы дѣлаются все безотраднѣе; дорога, надъ которою онѣ нависаютъ, поднимается выше и выше, а далеко внизу сердито шумитъ Ардонъ среди скатившихся въ него гигантскихъ камней. Верстахъ въ 3-хъ отъ аула Бизъ, на той сторонѣ Ардона, среди голыхъ камней ютятся аулы Нижній Жинцаръ и Верхній Самаде, а въ 4-хъ верстахъ расположены одинъ за другимъ аулы: Нижній и Верхній Уналъ. Въ первомъ изъ

нихъ достойна вниманія старинная крѣпость и церковь. У Нижняго Упала надъ дорогой впервые мы увидѣли осетинскіе памятники. Это—три въ рядъ поставленные и вдѣланные въ деревянные ящики плоскіе разрисованные камни: два большихъ и посрединѣ одинъ маленькій. На всѣхъ въ верхней части нарисованы звѣзды; на правомъ большомъ камнѣ по-русски написано, кто похороненъ, а повыше изображены, нужно полагать, наиболѣе цѣнныя вещи покойнаго: кинжалъ, револьверъ и часы; на лѣвомъ большомъ камнѣ нарисованъ Георгій Побѣдоносецъ. Неподалеку отъ Упала дорога спускается къ Ардону, на противоположной сторонѣ котораго видны аулы съ большими башнями, игравшими въ давнія времена роль крѣпостей. Часа черезъ $2 - 2^1/_2$ хода мы достигли духана Гулакъ. Кавказскій кабачокъ пріютился у самой дороги, подъ скалой, вѣроятно, въ виду близости конторы бельгійскаго общества, гдѣ, между прочимъ, принимаютъ отъ осетинъ серебряно-свинцовую руду. Контора расположилась по ту сторону Ардона, при устьѣ р. Архона, съ пѣною и шумомъ низвергающагося въ Ардонъ.

Изъ конторы руда доставляется въ Мизурскій серебряно-свинцовый заводъ, расположенный въ 5-ти верстахъ отъ Гулака. По пути къ послѣднему долина Ардона дѣлается все уже и уже, а скалы отвѣснѣе; дорогу часто пересѣкаютъ ручьи съ мутною водою; не доходя завода, на громадной высотѣ виднѣются высокія осетинскія башни, очень рельефно вырисовывающіяся на ясномъ голубомъ небѣ. Около 6-ти часовъ вечера мы достигли Нижняго Мизура, въ верстѣ отъ котораго расположенъ Верхній Мизуръ, гдѣ и находится выше-

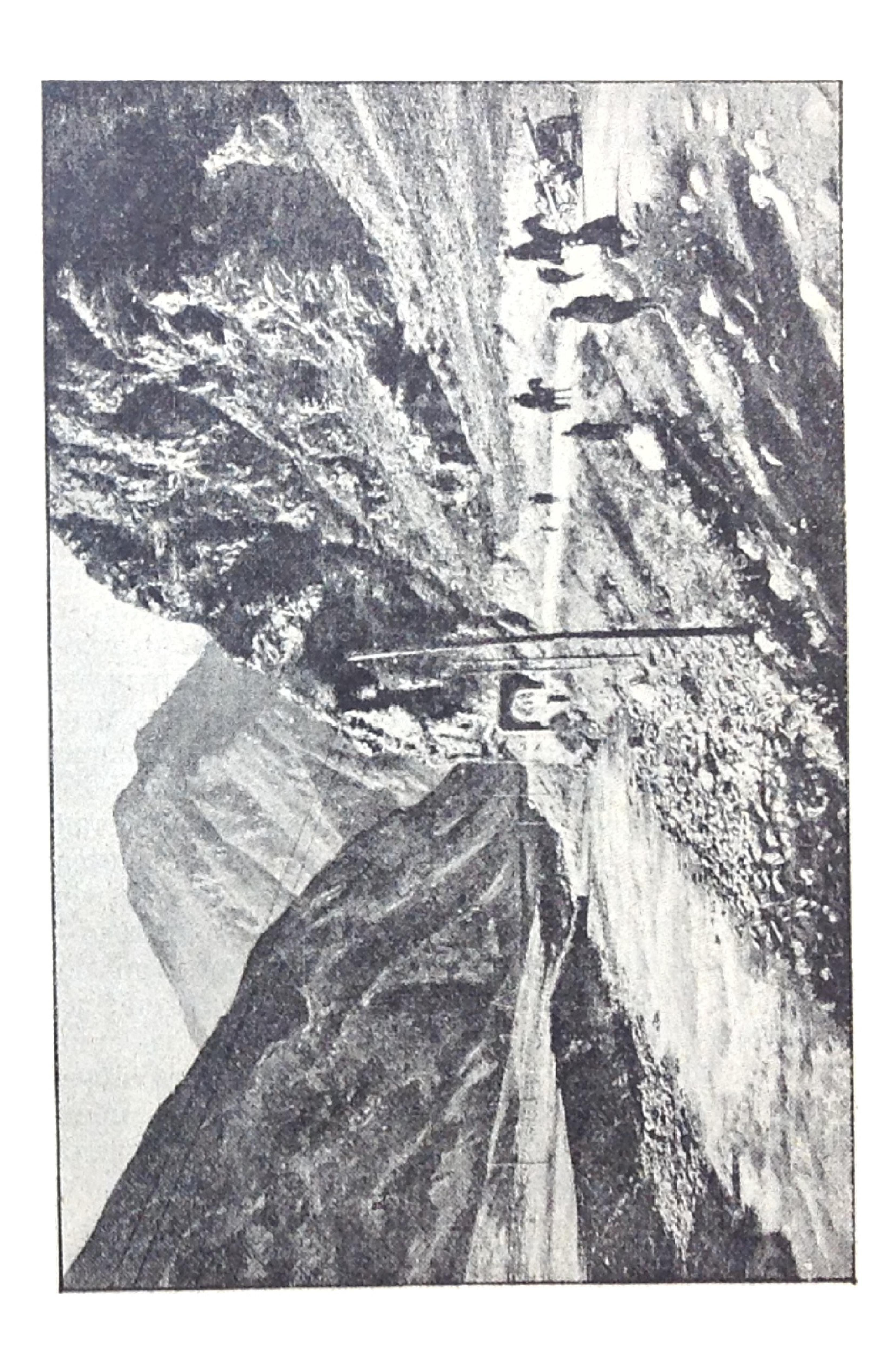
названный заводъ, арендуемый бельгійскимъ обществомъ у правительства за плату по 40.000 р. ежегодно.

Въ заводѣ мы рѣшили заночевать. Управляющій заводомъ, И. Е. Паписовъ, встрѣтилъ насъ весьма любезно, отвелъ для ночлега приличную комнату и охотно согласился показать заводъ.

Предварительно въ духанѣ мы познакомились съ компаніей туристовъ, состоявшей изъ студента, двухъ только что окончившихъ владикавказскую гимназію симпатичныхъ дѣвушекъ, вдовы врача и учителя семинаріи, окончившаго въ свое время Московскій университетъ.

Заводъ, въ которомъ мы остановились, занимаетъ большое пространство и работаетъ электричествомъ и водою. Процессъ обработки серебро-свинцовой руды состоитъ изъ трехъ актовъ: измельченіе руды или дробленіе, промывка ея и, наконецъ, осадка. При посредствѣ быстро вращающихся барабановъ серебряно-свинцовая руда распредѣляется на мелкія и крупныя части, затѣмъ части эти еще дробятся, потомъ, при посредствѣ воды, осаждаются и распредѣляются по удѣльному вѣсу на руды свинцовыя и цинковыя. Свинецъ и цинкъ отправляются во Владикавказъ, гдѣ уже выплавляется изъ нихъ серебро. Руда доставляется изъ Садонскаго рудника. Заводъ работаетъ день и ночь, кажется, круглый годъ.

На другой день, въ 6 час. утра, наша соединенная компанія, въ числѣ 11-ти человѣкъ, двинулась въ дальнѣйшій путь, имѣя уже двѣ арбы. Тотчасъ за Мизуромъ долина Ардона совсѣмъ сжимается скалами, и здѣсь расположены такъ называемыя „Батскія ворота“, въ видѣ каменной

арки. На высотахъ окружающихъ горъ по ту сторону Ардона и впереди видны высокія башни.

На 2-й верстѣ отъ Мизура находится электрическая станція, дающая энергію заводу и Садонскому руднику. Здѣсь въ Ардонъ впадаетъ горная рѣчка Садонъ-донъ, при посредствѣ котораго и добывается электричество. На станціи установлены двѣ динамо-машины, движущіяся турбинами, куда вода проникаетъ при посредствѣ желѣзныхъ трубъ, проложенныхъ на разстояніи трехъ верстъ отъ Садонскаго рудника.

Садонскій пріискъ въ Алагирскомъ ущельѣ началъ разрабатываться въ 40 годахъ однимъ грекомъ, Спиридономъ Чекаловымъ, выходцемъ изъ Трапезундскаго пашалыка въ Азіатской Турціи. Въ 1850 году садонское мѣсторожденіе было взято въ казну, съ уплатою Чекалову за добытыя нерасплавленныя руды, и, кромѣ того, онъ, по ходатайству кн. Воронцова, награжденъ былъ чиномъ прапорщика.

Черезъ р. Садонъ-донъ у электрической станціи имѣется мостъ, и дорога здѣсь развѣтвляется: направо, сопровождаемая телефономъ, изъ Мизура идетъ въ ущелье Садона, къ руднику, а налѣво—продолжается Военно-осетинская дорога по берегу Ардона. Мы направились по послѣдней къ урочищу Св. Николая. Въ $2^1/_2$ верстахъ отъ станціи расположенъ аулъ Нузалъ. Въ немъ обращаетъ на себя вниманіе старинная церковь, представляющая изъ себя груду камней, сложенныхъ въ видѣ пирамиды. Наверху ея небольшой крестъ, а надъ дверью маленькій колоколъ. Внутри церкви потемнѣвшія фрески и иконы съ грузинскими надписями.

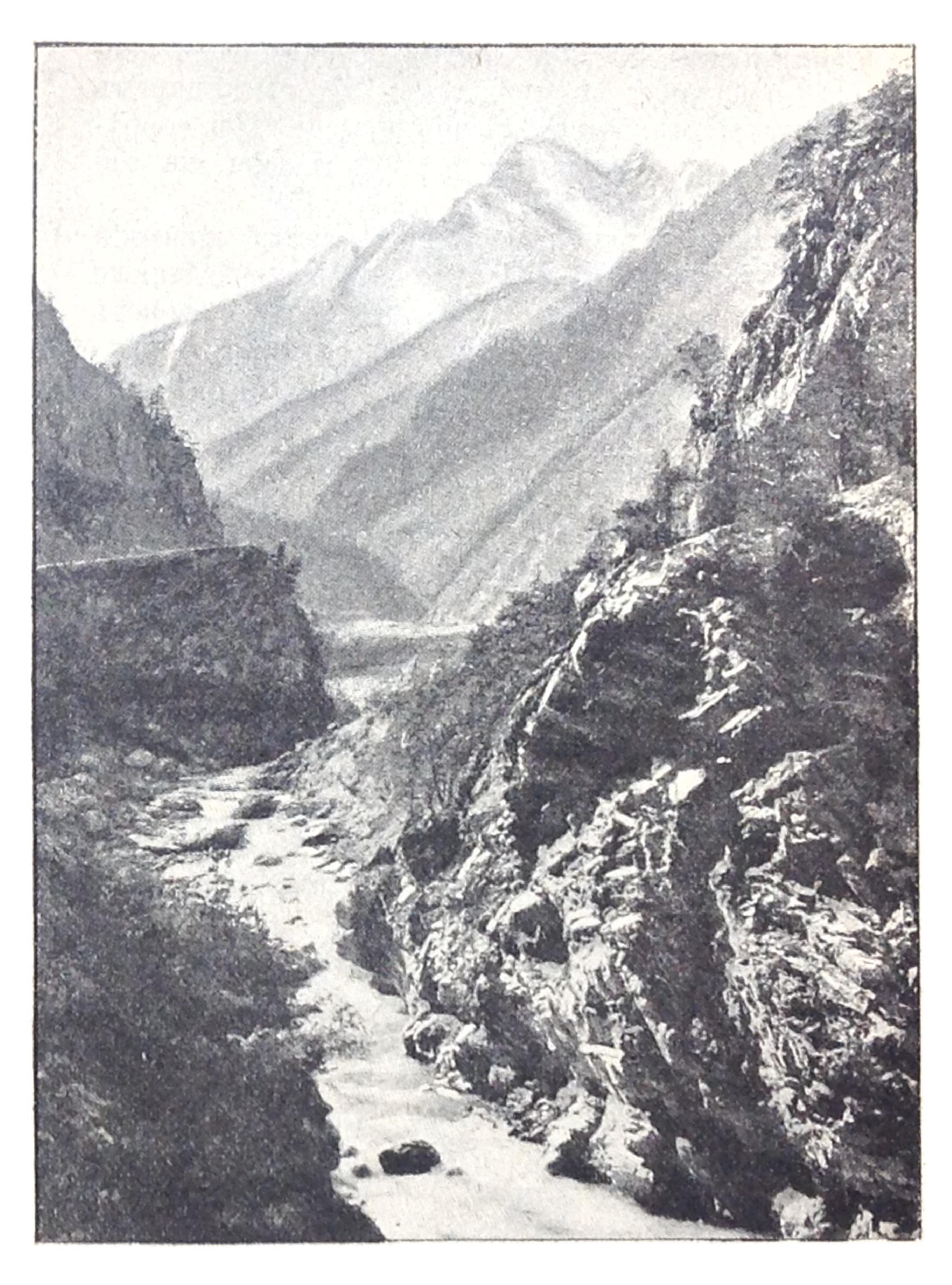

Рис. 11. Нузальское ущелье.

По словамъ осетина, показывавшаго намъ церковь, послѣдняя построена въ XII вѣкѣ царемъ Остбагатаромъ, которому приписываютъ и сооруженіе замка, высящагося противъ Нузала, на той сторонѣ Ардона.

Отъ Нузала начинается третій, самый короткій отдѣлъ Ардонскаго ущелья, называемаго также Нузальскимъ. Тотчасъ за ауломъ дорога черезъ хорошій мостъ переходитъ на правый берегъ Ардона и замѣтно поднимается въ гору. Скоро по дорогѣ встрѣчается холодный ручей, а немного дальше въ Ардонъ низвергается свѣтлая, красивая горная рѣчка Лябигомъ, которую мы переходимъ въ бродъ. Здѣсь же особенно великолѣпенъ и Ардонъ. Сдавленный гигантскими скалами, поросшими соснами и верескомъ, онъ реветъ и мечется среди громаднѣйшихъ камней, образуя необычайно красивые пороги.

Любуясь чудной природой, мы совершенно незамѣтно прошли 4 версты, и въ $8^1/_2$ часовъ утра прибыли въ урочище Св. Николая. Оно расположено на высотѣ болѣе версты надъ уровнемъ моря и представляетъ собою какъ бы площадь, окруженную горами, въ которую, какъ улицы, входятъ ущелья: съ сѣвера—Нузальское, а съ юга—Кассарское. На этой площади близъ Ардона бѣлѣютъ огороженные казенные домики, въ которыхъ проживаютъ и останавливаются служащіе Министерства Путей Сообщенія.

Благодаря полученнымъ въ Алагирѣ рекомендаціямъ, намъ любезно отвели въ урочищѣ комнату. Но мы отдыхали здѣсь недолго и, оставивъ свое имущество и арбы, въ $10^1/_2$ часовъ утра уже отправились на Цейскій ледникъ.

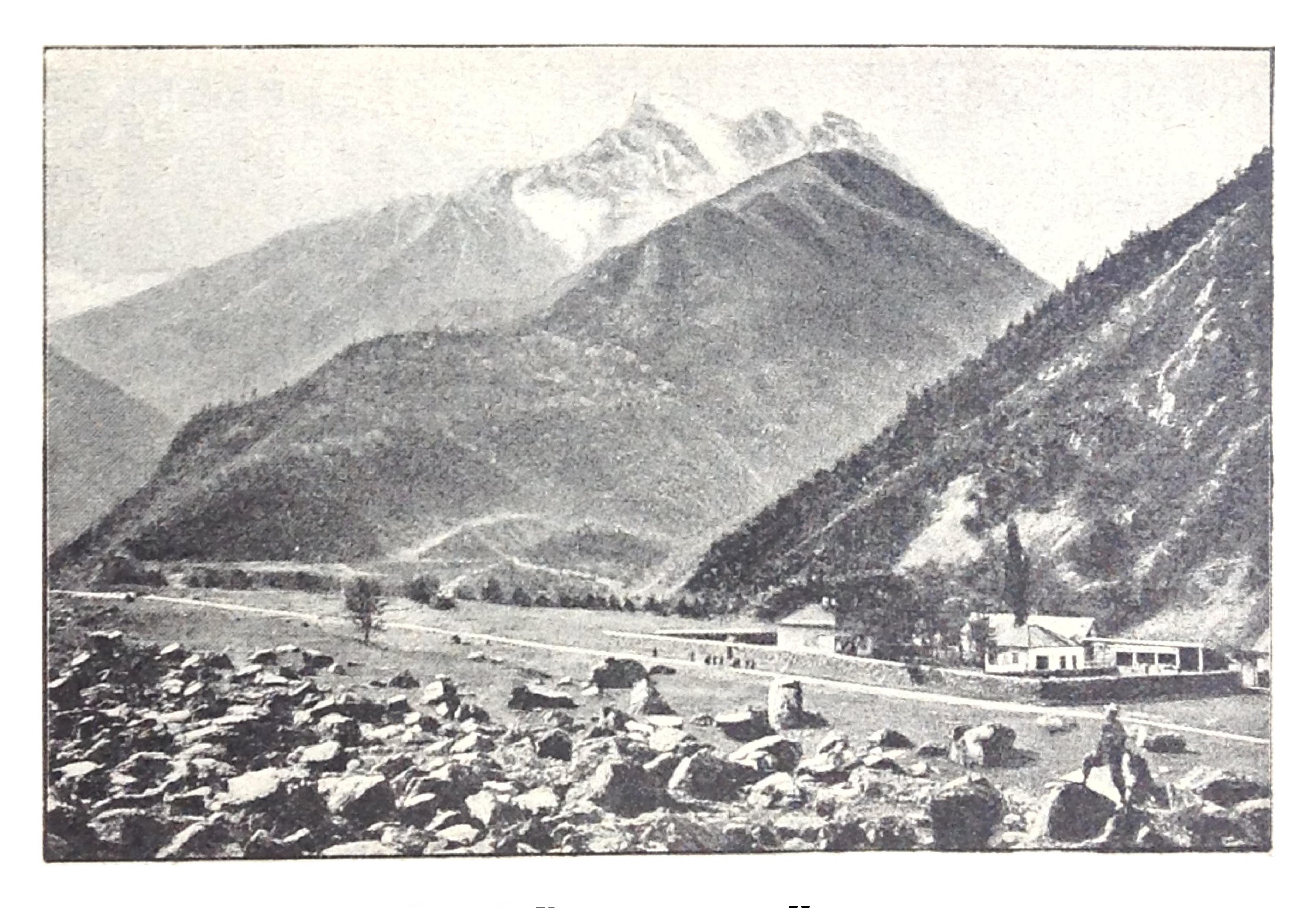

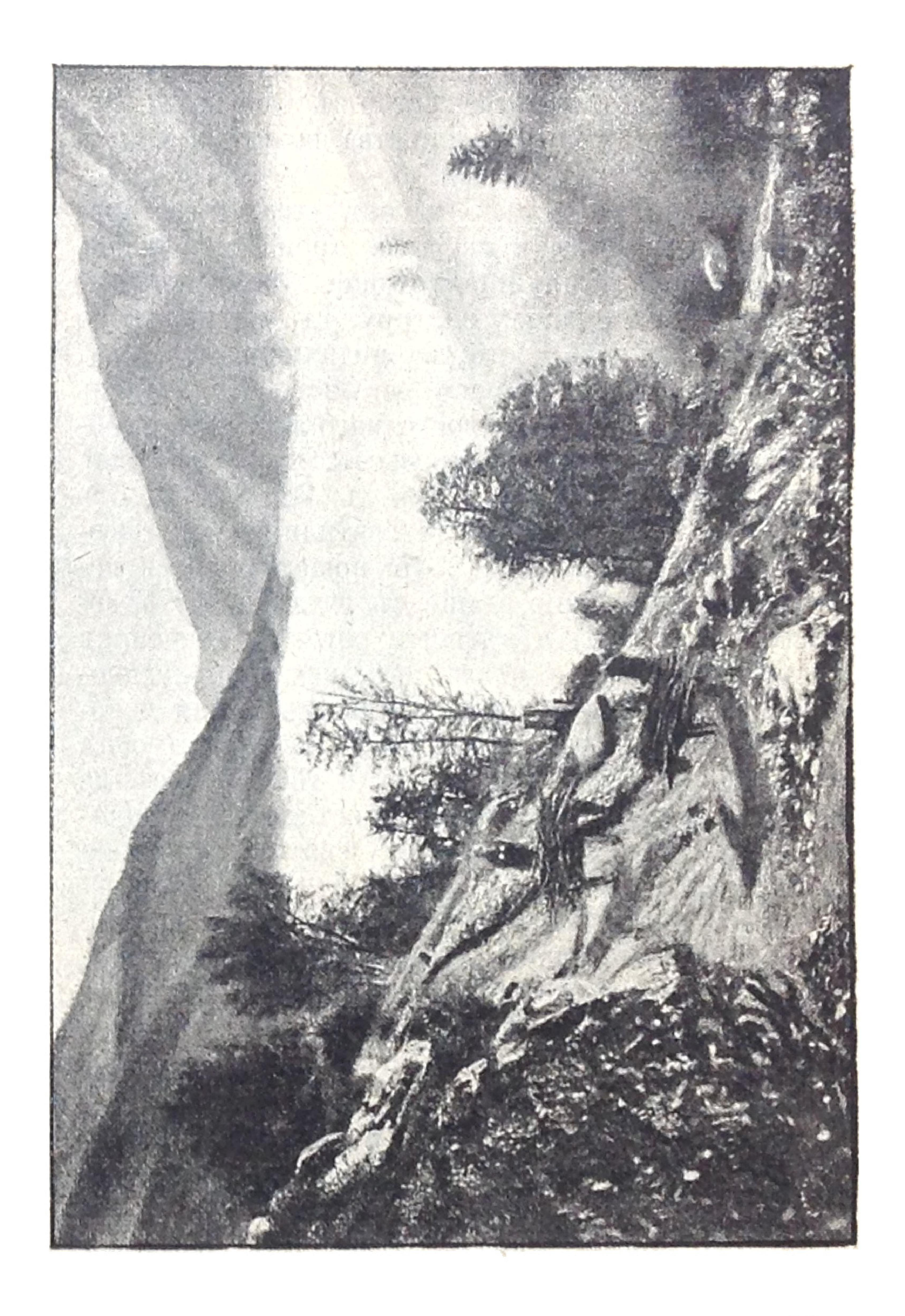
Рис. 12. Урочище святого Николая.

Цейскій ледникъ — одинъ изъ красивѣйшихъ ледниковъ Кавказа и въ то же время весьма доступный, такъ какъ спускается до высоты около 2-хъ верстъ (965,4 саж.) надъ уровнемъ моря. Онъ образуется изъ снѣжныхъ полей Адай-Хоха, этого гиганта, достигающаго высоты болѣе 4-хъ верстъ ($2.177,_7$ саж.). Изъ Цейскаго ледника беретъ начало бурный потокъ Цей, лѣвый притокъ Ардона.

Изъ воротъ урочища мы свернули влѣво, спустились къ Ардону, по мосту перешли на противоположную его сторону и достигли притока его Цея. Намъ пришлось нѣсколько разъ перейти его по жалкимъ, дрожащимъ мостикамъ, и мы не могли удержаться, чтобы не остановиться на каждомъ изъ нихъ и не полюбоваться Цеемъ, этимъ чуднымъ дѣтищемъ снѣговъ Адай-Хоха.

Узкая долина Цея по красотѣ вполнѣ гармонируетъ съ чуднымъ потокомъ, ее образовавшимъ. На всемъ пути долину сопровождаютъ громадныя горы, поросшія великолѣпнымъ сосновымъ лѣсомъ, а изъ-за нихъ виднѣются то мощныя скалы, то бѣлоснѣжныя вершины кавказскихъ великановъ.

Въ три часа дня мы прибыли въ Нижній Цей, расположенный всего въ 9 верстахъ отъ урочища Св. Николая. Такая медленность объясняется, съ одной стороны, большими подъемами, а съ другой—тѣмъ обстоятельствомъ, что мы, любуясь неподражаемыми видами, очень часто останавливались и въ общемъ шли не спѣша. Изъ Нижняго Цея мы направились въ Верхній Цей. Насколько первый аулъ производилъ впечатлѣніе дикости, настолько Верхній Цей казался культурнымъ. Поля его, расположенныя на громадной высотѣ, были сплошь покрыты ячменемъ, овсомъ, пшеницею и

кукурузою. Но сакли Верхняго Цея такъ же бѣдны и грязны, какъ и повсемѣстно въ Осетіи, а экономическій уровень большинства населенія и потребности его очень низки.

На другой день, въ 5 часовъ утра, мы отправились на ледникъ. Отъ аула тропа спускалась въ глубокую долину, по которой бѣжитъ ручей, и затѣмъ поднималась на гору, гдѣ расположено кладбище; далѣе дорога, все поднимаясь въ гору, пошла по лѣвому берегу ревущаго Цея. Очень скоро мы достигли превосходнаго лѣса изъ хвойныхъ и лиственныхъ деревьевъ. На одной изъ полянъ этого лѣса, верстахъ въ 4-хъ — 5-ти отъ Верхняго Цея, мы увидѣли святилище всей Осетіи — Рекомъ. Глядя на это пошатнувшееся неуклюжее деревянное зданіе съ грудами побѣлѣвшихъ отъ дождей и вѣтровъ роговъ и череповъ оленей и туровъ у стѣнъ его, невольно переносишься къ отдаленнымъ временамъ жизни человѣка. Утверждаютъ, будто бы Рекомъ построенъ въ честь Георгія Побѣдоносца, и тѣмъ рельефнѣе вырисовывается осетинское христіанство, приносящее въ жертву христіанскому святому достояніе охоты.

Рекомъ посѣщали многіе иностранные и русскіе ученые. Въ настоящее время святилище заперто, вслѣдствіе того, что изъ него расхищались цѣнные предметы. По разсказамъ осетиновъ Верхняго Цея, въ Рекомѣ находится стальной шлемъ сказочнаго царя Остбагатара, о которомъ мы уже упоминали, описывая Нузалъ. Кромѣ того, въ святилищѣ хранятся стрѣлы, кресты, монеты и другія древности. Рекомъ и до настоящаго времени конкурируетъ съ христіанскими храмами. Осетины

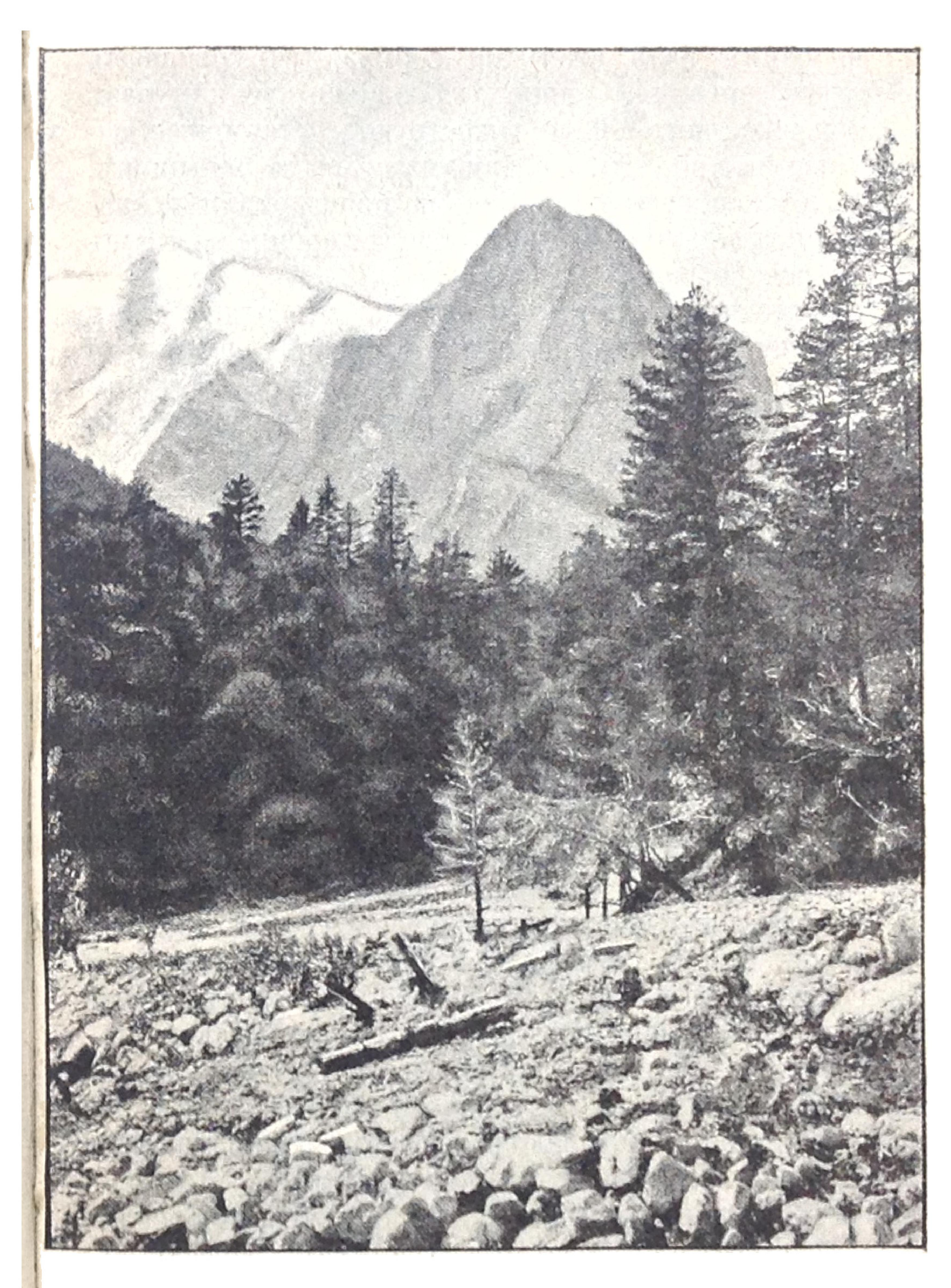

Рис. 14. Долина потока Цей-дона. Гора Адай-Хохъ.

не одинъ разъ ежегодно собираются совершать здѣсь моленія, сопровождающіяся всякій разъ тризною, которой предшествуютъ старинные религіозные обряды. По словамъ старыхъ осетиновъ, въ былыя времена у Рекома происходили всенародныя празднества, на которыя собиралась чуть не вся Осетія.

Отдохнувъ немного у Рекома, мы отправились дальше по направленію къ Цейскому леднику и очень скоро достигли его моренъ. Лѣсъ былъ положительно заполненъ громадными валунами; въ концѣ же лѣса началось, въ полномъ смыслѣ слова, каменное море: насколько хваталъ глазъ, — виднѣлись камни, камни и камни! И среди нихъ рвется, какъ въ цѣпяхъ, могучій Цей-донъ. Здѣсь онъ превращается уже въ сплошную клокочущую пѣну, которая брызжетъ и реветъ среди этихъ гигантовъ. А впереди, въ концѣ этого каменнаго моря, видна черная пасть, откуда низвергается Цей-донъ, а надъ нею высится ледникъ. Послѣдній представляется издали въ видѣ грязной горы, рѣзко отличающейся отъ подступающихъ къ нему бѣлыхъ камней. За версту или немного менѣе отъ ледника мы сдѣлали небольшой привалъ на камняхъ у громадной нависшей скалы, замѣчательной тѣмъ, что подъ нею—лѣчебный курортъ осетинъ. Это—поистинѣ ужасный курортъ, если принять во вниманіе, что сюда прибываютъ чахоточные больные. Мы были подъ этою скалою 30 іюня, когда ни одного больного еще не было. Они прибываютъ сюда, въ большинствѣ случаевъ, въ іюлѣ. Весьма возможно, что близость сосноваго лѣса, чудный воздухъ, употребленіе кефира и козьяго молока могли бы содѣйство

Рис. 15. Осетинское святилище Рекомъ.

вать, если не излѣченію, то нѣкоторому задержанію болѣзни, но дѣло въ томъ, что больные живутъ на открытомъ воздухѣ, вотъ подъ этою самою скалою, среди ужасной нечистоты, слѣды которой видны и сейчасъ. Мало этого, чахоточные осетины глотаютъ ледъ и купаются въ ледниковой водѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, по слухамъ, смертность среди больныхъ здѣсь ужасающая. На нашъ вопросъ, предложенный въ Верхнемъ Цеѣ: „А многіе вылѣчиваются?“ Былъ отвѣтъ: „Кто не умретъ, тотъ живъ останется“.

Согрѣвшись на привалѣ чаемъ, мы среди облаковъ, еще лежавшихъ на моренахъ, отправились на ледникъ. Прыгая съ камня на камень, мы, наконецъ, подошли къ истокамъ Цея, къ загрязненной ледяной пасти, откуда онъ вырывается и, не теряя времени, стали подниматься на ледникъ, весь засыпанный камнями, глиною и грязью. Чѣмъ выше, тѣмъ ледникъ очищался все больше и больше, а ноги чаще и чаще стали соприкасаться съ холодною ледяною поверхностью. Почти въ тотъ моментъ, когда мы были уже на самомъ ледникѣ, облака на мгновеніе разверзлись, и передъ нами открылась неподражаемая картина: въ ясномъ голубомъ небѣ сверкнули облитыя свѣтомъ, бѣлоснѣжныя вершины, окаймлявшія ледники съ трехъ сторонъ.

Но это было только мгновеніе: облака сдвинулись и кончилось чудное видѣніе, а туманъ опять окуталъ насъ со всѣхъ сторонъ. Мы стали уже отчаиваться, но черезъ нѣкоторое время туманъ потянулся вверхъ, сталъ рѣдѣть, покуда вовсе не исчезъ, и тогда ледникъ предсталъ передъ нами во всей его мощи и безподобномъ величіи. При-

Рис. 16. Цейскій ледникъ.

грѣтая горячими лучами солнца, сѣровато-зеленая поверхность его вдругъ ожила: по ней заструились маленькіе ручейки свѣтлой ледяной воды; тамъ и сямъ бурлили маленькіе водопады, ниспадавшіе въ углубленія ледника, продѣланныя водою; въ большинствѣ случаевъ углубленія эти представляли воронки различной глубины, внутренность которыхъ отсвѣчивала прелестнымъ свѣтло-зеленымъ цвѣтомъ льда; попадались ледниковыя мельницы съ вращающимися камешками на днѣ воронокъ, наконецъ открылись небольшія трещины съ обрывистыми стѣнками чистаго льда. А вдали ледникъ представлялъ ледяной уступъ и затѣмъ примыкалъ къ фирновымъ полямъ снѣговыхъ вершинъ.

Вѣроятно, часа два ходили мы по леднику, а четверо товарищей нашихъ — привать-доцентъ, студентъ, учитель семинаріи и одна барышня—не удовлетворились этимъ и отправились дальше, къ такъ-называемымъ „столбамъ“ (уступу или ледопаду), расположеннымъ на высотѣ около 3-хъ верстъ.

Съ ледника мы шли много скорѣе, чѣмъ на ледникъ, такъ какъ почти сплошной уклонъ шелъ до самаго Верхняго Цея. Товарищи наши, ходившіе къ „столбамъ“, возвратились немного позже, при чемъ двое изъ нихъ явились съ ясными признаками аваріи: у барышни расползлись башмаки и разорвано было платье, а у привать-доцента, съѣхавшаго съ ледника на собственной спинѣ, были поранены пальцы, такъ что пришлось мазать ихъ коллодіумомъ. Но эти небольшія приключенія вполнѣ искупились, по словамъ привать-доцента, видѣнными ими картинами.

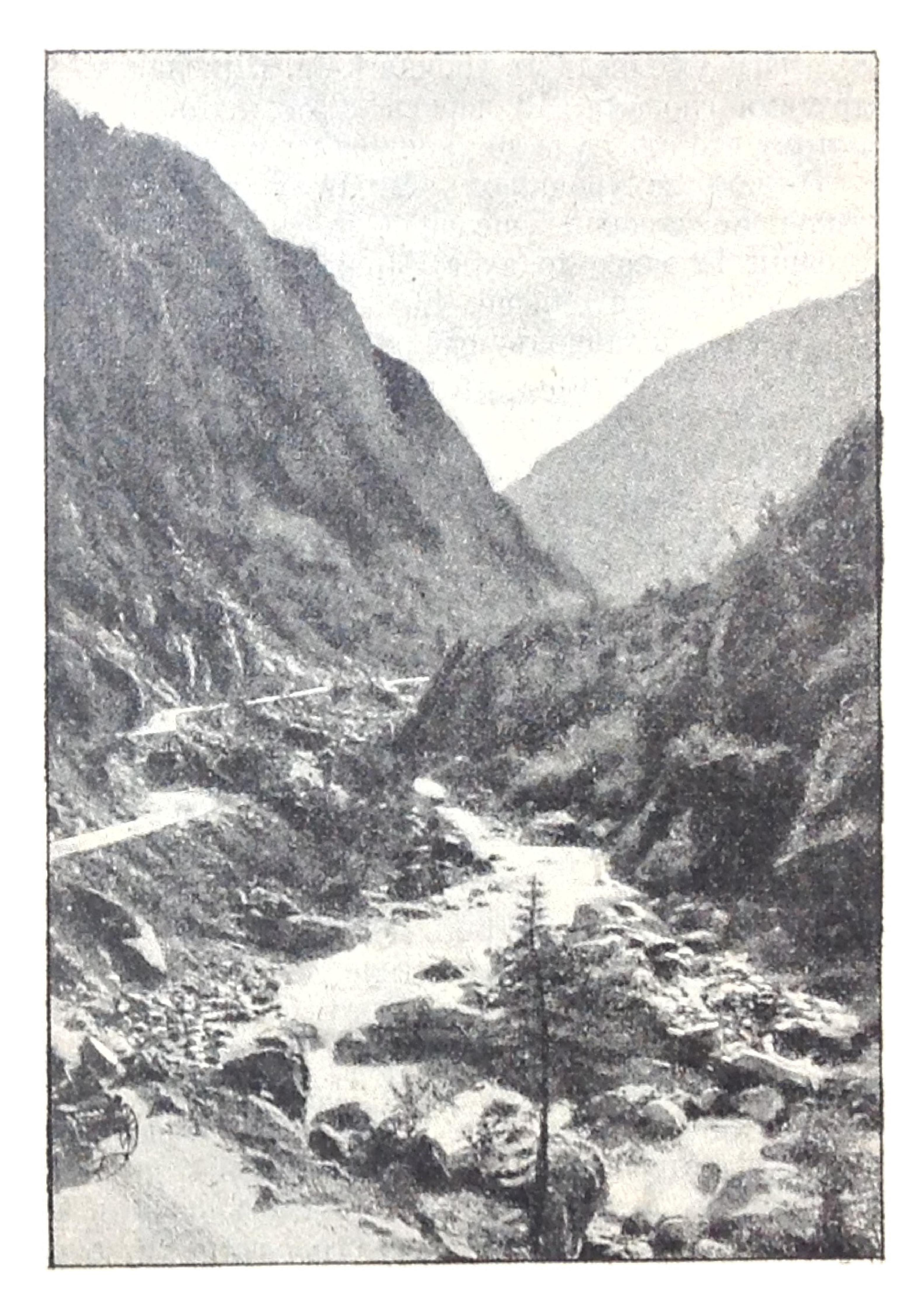

Рис. 17. Кассарское ущелье.

Въ 6 часовъ вечера мы оставили аулъ, а въ $8^1/_4$ часа уже были въ урочищѣ Св. Николая, т.-е., другими словами, 13 верстъ сдѣлали въ 2 часа, потому что отъ аула до урочища сплошной спускъ.

Тотчасъ за урочищемъ Св. Николая начинается узкое Кассарское ущелье. Оно тянется на разстояніи 12 вер., до аула Ѕаромагъ, и на всемъ пути очень живописно. Его обрамляютъ громадныя сѣрыхъ тоновъ скалы, поросшія соснами и частью березами. Ардонъ, сдавленный этими скалами, въ Кассарскомъ ущельѣ превращается въ бурную, мечущуюся рѣку. Не болѣе чѣмъ черезъ часъ хода отъ урочища, откуда мы вышли въ 8 ч. утра, на дорогѣ встрѣчается цѣлый каменный хаосъ отъ обрушившейся скалы, запрудившей рѣку.

Неподалеку отъ хаоса черезъ Ардонъ перекинутъ мостъ къ сторожкѣ. Сейчасъ за нимъ, по ту сторону рѣки, видна „Кассарская крѣпость". Возница объяснилъ, что крѣпость эта названа именемъ когда-то жившаго народа „кассары", отъ которыхъ будто бы и долина называется „Кассарскою".

Дальше скалы совсѣмъ сдавливаютъ рѣку, а дорога, поднимаясь все выше и выше, узкимъ карнизомъ жмется къ великанамъ, которые нависаютъ надъ дорогою. Часовъ въ 10 утра достигли ряда маленькихъ ручейковъ, а немного дальше дорогу пересѣкаетъ чудный водопадъ, низвергающійся въ Ардонъ. По большимъ камнямъ мы безъ особаго труда перешли его. Минутъ черезъ 20 виденъ опять водопадъ по ту сторону рѣки, а со скалъ у дороги сочится вода. Неподалеку за этими скалами переходимъ по мосту черезъ Ардонъ, ко-

Рис. 18. Кассарское ущельс.

торый скоро превращается въ сплошной бурный водопадъ и въ такомъ видѣ несется уже на всемъ пути, до конца Кассарскаго ущелья, разбиваясь о громаднѣйшіе камни. Черезъ 3 часа по выходѣ изъ урочища Св. Николая, въ 11 час. утра, мы въ виду аула Заромагъ достигли конца Кассарскаго ущелья и очутились въ широкой долинѣ, гдѣ сходятся пять ущелій, воды которыхъ и образуютъ Ардонъ [1]).

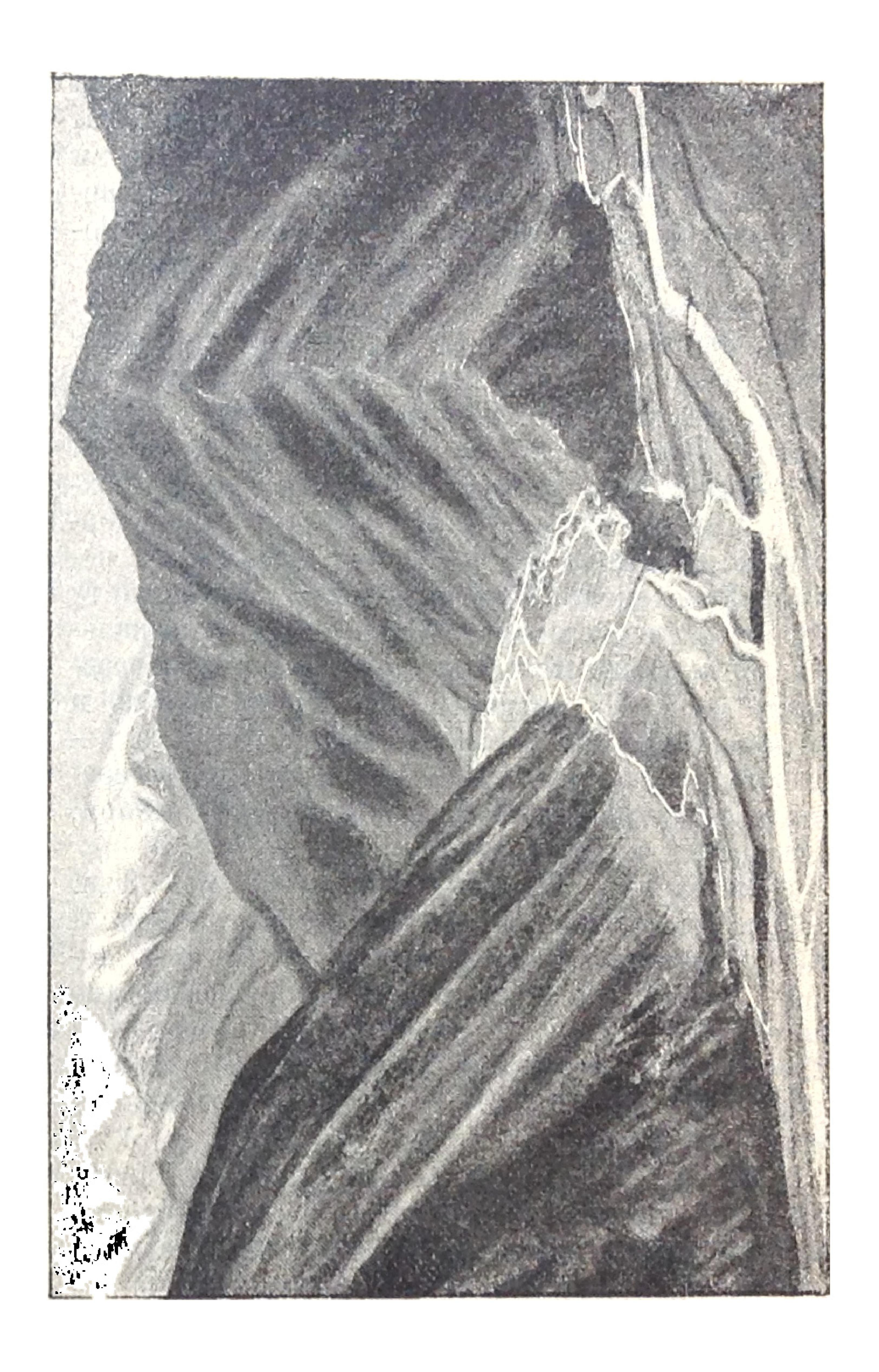
Вскорѣ по дорогѣ встрѣчаются одинъ за другимъ красивые водопады, при чемъ за вторымъ водопадомъ, по ту сторону Ардона, мы увидѣли глыбы снѣга, сохранившагося до іюля отъ происшедшаго здѣсь весною громаднаго снѣжнаго обвала. Миновавъ далѣе два источника, углекислый и сѣрный, и маленькій прѣсный ручеекъ, мы увидѣли аулы Нижній и Верхній Заромаги и направились къ послѣднему по высокому берегу Мамиссонъ-дона.

Несмотря на то, что аулъ этотъ находится на высотѣ около $1^1/_2$ версты надъ уровнемъ моря, его поля были покрыты хлѣбными растеніями, преимущественно ячменемъ. Мы сдѣлали привалъ въ самомъ началѣ аула, у лавки и духана, расположенныхъ у самой дороги. Въ лавочкѣ мы купили хлѣба, который былъ у насъ на исходѣ, и мѣстнаго вина.

Раннимъ утромъ и вечеромъ при ясномъ небѣ изъ Заромага бываетъ виденъ Адай-Хохъ. Въ полдень горы обыкновенно покрываются тучами, а потому мы не видѣли кавказскаго великана, но

---

[1]) **Ущелья эти называются: Табардзинское, Зрузское, Нарское, Заромагское и Кассарское.**

и безъ этого виды окрестности Заромага весьма живописны. Глазамъ открывается широкая долина, окруженная травянистыми горами, достигающими высотъ альпійскихъ пастбищъ; долину эту пересѣкаетъ горная рѣка Адай-комъ-донъ, черезъ которую у аула перекинутъ мостъ, а у моста расположена мельница.

Изъ Заромага мы вышли въ 4 часа пополудни. Отъ этого аула, собственно говоря, начинается уже подъемъ къ Мамисонскому перевалу. Дорога прямо идетъ въ гору надъ рѣчкой Мамисонъ-донъ. На 5-й верстѣ расположены аулы Тимцена и Верхній и Нижній Тибъ. Въ послѣднемъ видна церковь, а не доходя его по дорогѣ встрѣчается небольшой водопадъ. Противъ Верхняго Тиба, по ту сторону Мамисонъ-дона, видны весьма оригинальныя горы: среди бѣлыхъ осыпей на нихъ образовались зеленые островки, поросшіе травою и кустарниками. Внизу видна церковь, а надъ дорогою, противъ нея—могила съ желѣзнымъ крестомъ въ память кого-то, умершаго въ Сибири, какъ видно изъ надписи.

За Верхнимъ Тибомъ видны два аула Тли, расположенные одинъ противъ другого. Дорога здѣсь еще круче поднимается въ гору надъ долиною Мамисонъ-дона, по которой разбросано много ауловъ и видны обработанныя и покрытыя хлѣбомъ поля; окружающія долину горы, покрытыя альпійскими пастбищами, отличаются чрезвычайно мягкими тонами.

За аулами Тли идутъ аулы: Каліатъ, Насры, Калакъ и Зрилъ, за которыми вдали бѣлѣетъ казенный домъ, расположенный уже у самаго подножія Мамисонскаго перевала, на высотѣ бо-

лѣе 2-хъ верстъ надъ уровнемъ моря. Не доходя версты $1^1/_2$ до этого дома, у моста черезъ дорогу изъ скалы падаетъ чудный водопадъ и низвергается въ глубочайшую пропасть, надъ которою узкимъ карнизомъ вьется наша дорога, а за $^1/_4$ версты до домика черезъ дорогу перебѣгаетъ ручей. Въ $8^1/_2$ часовъ вечера, когда было уже темно, и густой туманъ сѣлъ на перевалѣ, мы достигли, наконецъ, этого домика или „сѣвернаго пріюта", какъ его называютъ. Итакъ, мы прошли всю Осетію. Скажемъ здѣсь о ней нѣсколько словъ.

Современная Осетія занимаетъ западную часть Владикавказскаго округа, Терской области, часть Душетскаго и большую часть Горійскаго округа, Тифлисской губерніи. Но было время, когда осетины захватывали громадную площадь, начинавшуюся въ низовьяхъ рѣки Дона и тянувшуюся по черноморскому побережью и всему сѣверному Кавказу. На это указываютъ многіе и ясные признаки. Начать съ того, что донъ — осетинское слово, и значитъ — вода. Поэтому-то и всѣ тѣ рѣки, о которыхъ мы говорили, имѣютъ въ названіи своемъ прибавку донъ: Аръ-донъ, Цейдонъ, Наръ-донъ, Мамисонъ-донъ и т. д.

Научныя данныя указываютъ, что осетины принадлежатъ къ индо-европейской расѣ, говорятъ на иранскомъ языкѣ и, вѣроятно, родственны древнимъ сарматамъ. Въ грузинскихъ лѣтописяхъ сохранились свѣдѣнія о многочисленномъ и могущественномъ племени оссовъ, спускавшихся въ Закавказье и безпокоившихъ обитавшія тамъ племена.

Впослѣдствіи мѣста, на которыхъ жили осетины, стали мало-по-малу захватываться другими наро-

дами, тѣснившими осетинъ къ горамъ. Во время монгольскаго нашествія Осетія завоевана была Чингизъ-ханомъ, заставившимъ осетинъ платить дань татарамъ, которые и заняли часть Осетіи. Этимъ дѣло не ограничилось: кабардинцы, захватившіе степи Предкавказья, загнали осетинъ въ горы. Обездоленные и разбитые, они, въ концѣ-концовъ, сдѣлались крѣпостными грузинскихъ князей, которые нѣкогда трепетали передъ осетинами. Послѣ завоеванія Кавказа русскими участь осетинъ измѣнилась немного къ лучшему, но, конечно, прежняя мощь этого племени погибла навѣки.

Въ настоящее время осетинъ насчитываютъ до 160.000 душъ. Въ степныхъ мѣстностяхъ они живутъ въ избахъ, въ горахъ же сооружаютъ изъ камня безъ цемента сакли, какъ и всѣ кавказскіе горцы. Весьма часто сакли выводятся въ два и даже въ три этажа и имѣютъ видъ башенъ. Въ такихъ сакляхъ нижній этажъ является хлѣвомъ для скота, надъ нимъ, въ бельэтажѣ, такъ сказать, помѣщаются женщины, а въ верхнемъ этажѣ живутъ мужчины и здѣсь же принимаются гости. Сакли обыкновенно обносятся каменною оградою. Главнымъ помѣщеніемъ считается то, гдѣ устроенъ очагъ, въ которомъ подъ отверстіемъ въ крышѣ постоянно горитъ огонь, такъ какъ въ котелкѣ, висящемъ на цѣпи надъ огнемъ, вѣчно что-нибудь готовится. Всѣ сакли покрыты плоскими крышами, играющими роль балконовъ, куда взбирается семья, главнымъ образомъ мужчины, и сидятъ по цѣлымъ часамъ.

Одежда осетинъ и осетинокъ ничѣмъ почти не отличается отъ одежды другихъ горцевъ. Положеніе женщинъ такое же унизительное, какъ и

Рис. 20. Пріютъ на сѣверной сторонѣ Мамисонскаго перевала.

повсемѣстно въ горахъ Кавказа. Они день денской сидятъ или въ полутемныхъ, грязныхъ сакляхъ и готовятъ пищу, прядутъ, шьютъ или выходятъ на свѣтъ Божій, чтобы исполнять самыя тяжелыя работы. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что за послѣднее время среди осетинъ, народа въ общемъ очень способнаго, замѣчается большое стремленіе къ культурѣ, и, быть-можетъ, недалеко то время, когда они, освободившись отъ древнихъ нравовъ, въ родѣ, напримѣръ, кровомщенія, высокомѣрнаго отношенія къ женщинѣ и т. д., выработаютъ себѣ общечеловѣческія условія жизни, тѣмъ болѣе, что осетины—самый демократическій изъ горскихъ народовъ: аристократія явилась у нихъ лишь подъ вліяніемъ кабардинцевъ.

По отношенію къ путешественникамъ осетины весьма любезны и гостепріимны, что, впрочемъ, не исключаетъ желанія получить большее, чѣмъ слѣдовало бы, вознагражденіе за услуги и припасы, но надо имѣть въ виду массу бѣдноты среди этого племени; да и вообще у всѣхъ осетинъ жизнь не блещетъ избытками. Мясо, напримѣръ, они ѣдятъ очень рѣдко, а главною пищею служатъ хлѣбныя кушанья изъ кукурузы, ячменя, проса съ прибавленіемъ молока и сыра.

Большинство осетинъ исповѣдуетъ христіанство и лишь часть, въ особенности аристократія, подъ вліяніемъ кабардинцевъ, приняла магометанство. Но осетинское христіанство довольно сомнительнаго качества и выражается, главнымъ образомъ, во внѣшнихъ обрядахъ, въ родѣ, напримѣръ, исполненія постовъ и т. д. И до настоящаго времени у осетиновъ осталось очень многое

изъ ихъ языческихъ вѣрованій, перемѣшанное съ древнѣйшими остатками христіанства.

Если бы не казенное помѣщеніе, трудно приходилось бы путникамъ на Мамисонскомъ перевалѣ. Несмотря на 1 іюля, вечеръ былъ настолько холоденъ, что мы, продрогшіе и усталые, весьма энергично принялись стучать въ дверь казеннаго домика и были очень обрадованы, когда добродушный „старшій рабочій", осетинъ П. И. Дабаевъ, впустилъ насъ подъ свою кровлю, затопилъ каминъ и поставилъ самоваръ. Согрѣвшись чаемъ, мы улеглись спать, чтобы на утро пораньше перевалить когда-то въ „счастливую", а теперь залитую кровью и измученную Грузію. Проспали мы, однакоже, больше, чѣмъ предполагали, и лишь въ $9^1/_2$ часовъ вышли изъ гостепріимнаго убѣжища, оставивъ Дабаеву письма для отправки, при случаѣ, въ Алагиръ,ао т туда почтою въ Россію.

Несмотря на позднее время, густой и холодный туманъ покрывалъ все видимое пространство, а роскошный коверъ альпійской растительности съ массою цвѣтовъ былъ насыщенъ влагою, какъ послѣ проливного дождя.

Дорога отъ „сѣвернаго пріюта" сразу пошла въ гору, на перевалъ. Скоро мы оставили долину Мамисонъ-дона и пошли по теченію его притока Бубы-дона. По ту сторону его виднѣлся снѣгъ, лежавшій много ниже нашей дороги, которая вилась въ облакахъ, среди альпійскихъ пастбищъ. Часовъ въ 11 утра мы достигли области моренъ: обширная равнина, окруженная покатыми возвышенностями, въ этомъ мѣстѣ вся забросана камнями сползавшаго нѣкогда сюда ледника, и изобилуетъ массою ручьевъ и водопадовъ. Здѣсь мы

застали многочисленныя стада барановъ и козъ, которыя горцы гнали на пастбища. Съ необыкновеннымъ трудомъ животныя, оглашая воздухъ блеяніемъ, переправлялись въ бродъ черезъ бурный Бубы-донъ, цѣпляясь за камни, къ которымъ ихъ прибивала вода. Особенно трудно было справиться съ быстрымъ теченіемъ маленькимъ барашкамъ и козлятамъ, но, въ концѣ-концовъ, опытные горскіе пастухи благополучно переправили всѣ стада.

Вслѣдъ за ними мы тоже перебрались черезъ рѣчку, кое-какъ примостившись на арбахъ, такъ какъ въ бродъ перейти горный потокъ для насъ было почти невозможно.

За Бубы-дономъ дорога еще круче пошла въ гору; туманъ сгущался все больше, холодъ увеличивался. Минутъ черезъ 30 ходьбы послѣ переправы черезъ рѣчку началъ мѣстами попадаться снѣгъ, а дорога стала совсѣмъ грязною. Ровно въ часъ дня 2 іюля мы достигли высшей точки Мамисонскаго перевала, расположенной на высотѣ болѣе $2^1/_2$ верстъ надъ уровнемъ моря (1343 саж.). Снѣгъ, грязь, густой туманъ, т.-е. обволакивавшая насъ холодная туча, рѣзкій вѣтеръ напоминали погоду, которая бываетъ въ центральной Россіи въ самомъ началѣ марта или въ глубокую осень въ концѣ октября. И это, повторяемъ, въ полдень 2 іюля! Вѣтеръ былъ настолько силенъ, что я не могъ сдѣлать замѣтокъ въ своей записной книжкѣ и только съ трудомъ отмѣтилъ, что на перевалѣ поставлены два деревянныхъ столба, а по сторонамъ ихъ—двѣ доски, на одной изъ которыхъ написано, что до Кутаиса отъ перевала 153 версты, а на другой, — что высота перевала надъ уровнемъ моря 9.400 футовъ. Вѣроятно, въ

Рис. 21. Мамисонскій перевалъ съ сѣверной стороны.

ясную, хорошую погоду съ перевала открывается безподобный видъ и въ сторону Осетіи, оставшейся позади насъ, и въ сторону Грузіи, расположенной впереди, но теперь ровно ничего не было видно, и мы, постоявъ нѣсколько минутъ, поторопились возможно скорѣе спуститься въ долину Ріона. Она уже чуть-чуть виднѣлась внизу изъ-подъ тумана, но намъ пришлось преодолѣть не мало трудностей, пока мы добрались до нея. Спускъ былъ нелегкій. Приходилось употреблять много усилій, чтобы выбраться изъ снѣга и грязи и, поскользнувшись, не полетѣть внизъ по крутому скату. Мы всѣ пошли вразбродъ, каждый выбирая для себя наиболѣе удобный путь. Спускались мы очень быстро и минутъ черезъ 20—25 уже вышли изъ тумана и очутились подъ яснымъ голубымъ небомъ Грузіи, хотя значительная высота и снѣгъ, лежавшій то тамъ, то сямъ въ лощинкахъ, держали температуру еще на низкомъ уровнѣ. Поэтому мы не безъ удовольствія стремились къ „южному пріюту", бѣлѣвшему вдали передъ нами. Онъ казался близкимъ отъ насъ, но добраться до него пришлось не безъ труда. Путь нашъ пересѣкался притокомъ Ріона, бурною горною рѣчкой; нѣкоторые изъ насъ случайно набрели на мостъ черезъ нее, а большая часть стала переходить въ бродъ, при чемъ сильно измокли, въ особенности же пострадали наши дамы. Поэтому въ „южномъ пріютѣ" пришлось долго сушиться и отогрѣваться. Въ четыре часа пополудни мы отправились въ дальнѣйшій путь и не болѣе какъ черезъ часъ уже спускались въ глубокую роскошную долину Ріона.

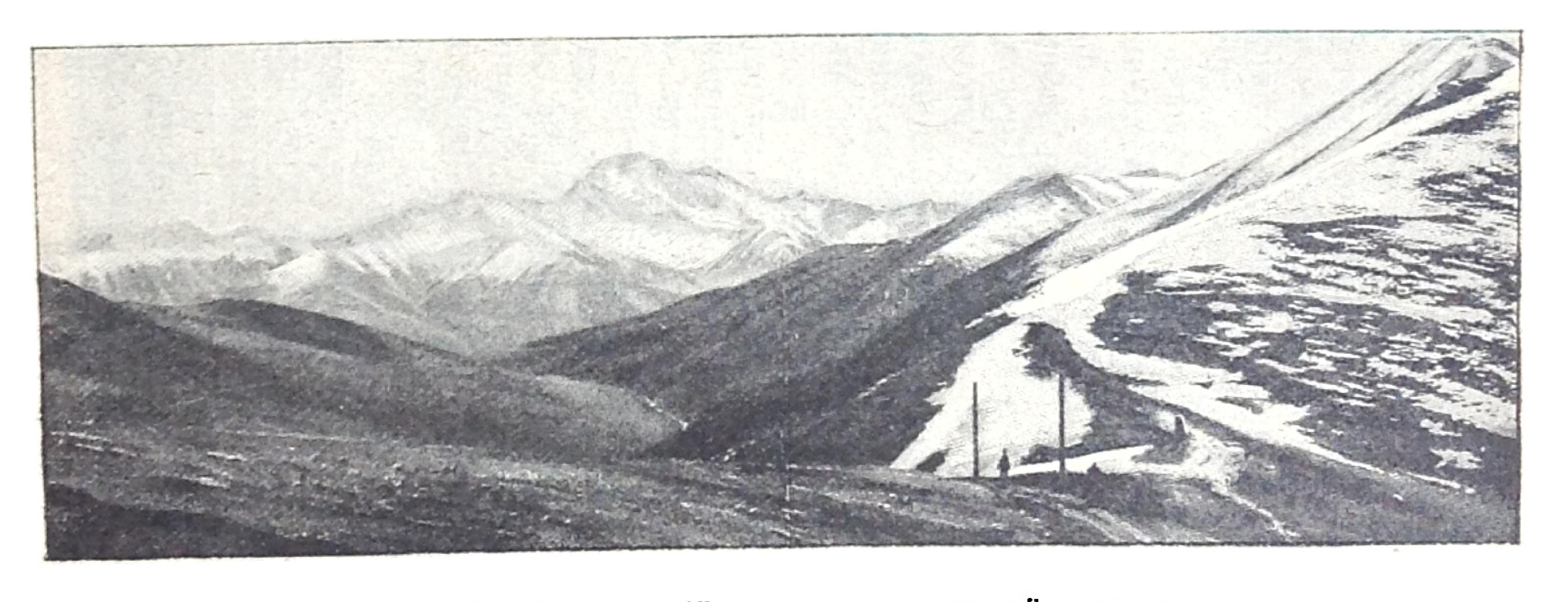

Рис. 22. Мамисонскій перевалъ съ южной стороны.

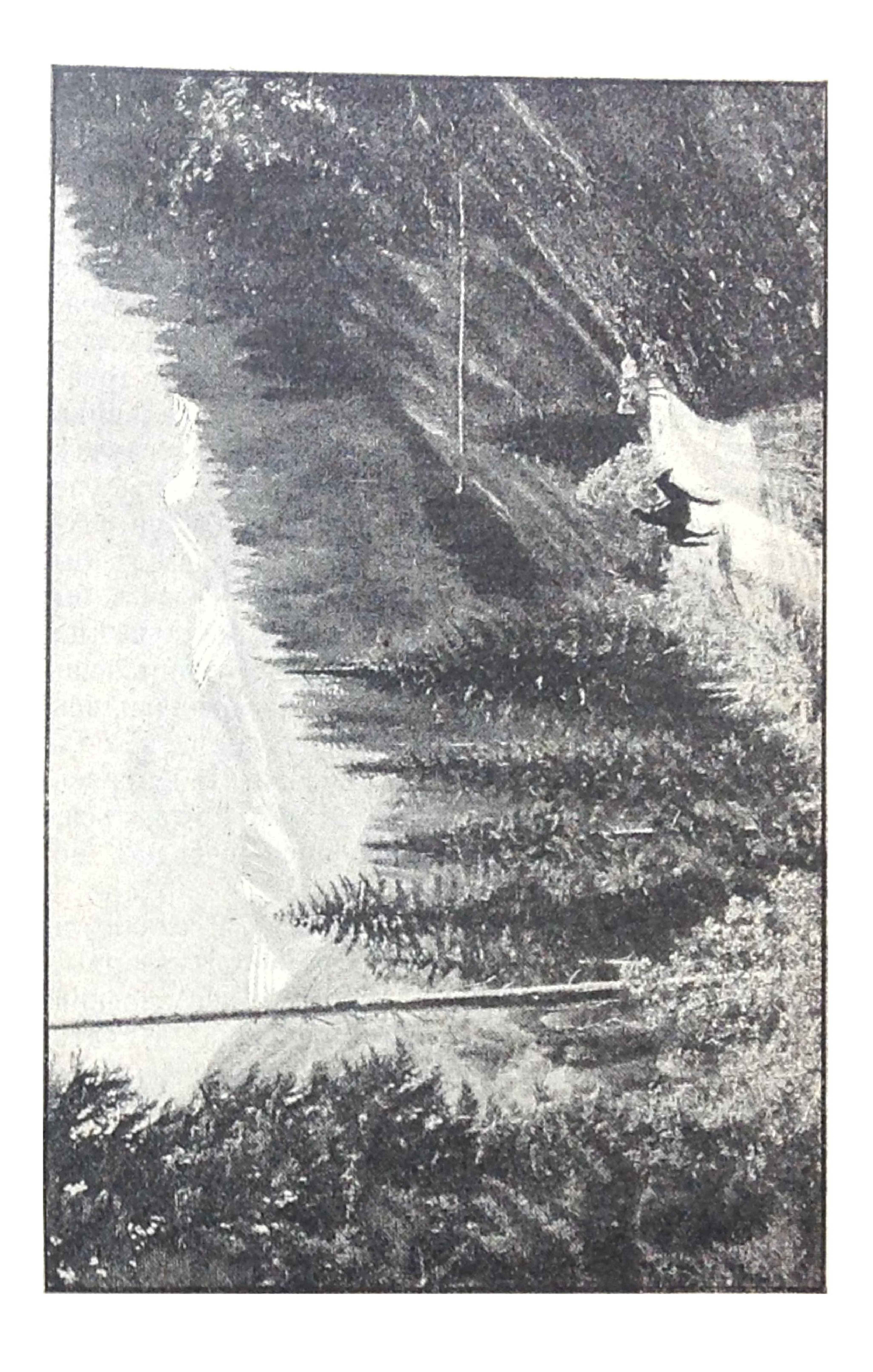
Я не могу себѣ представить ничего прелестнѣе этой долины, и мнѣ думается, что никакой художникъ въ мірѣ не могъ бы ничего прибавить къ той безподобной картинѣ, которую создала въ этой долинѣ природа. Первые склоны къ ней поросли густою травой, покрытою такимъ множествомъ цвѣтовъ, что склоны эти походили на задрапированные сказочно-красивымъ ковромъ, узоры котораго ткала самая причудливая фантазія. Принужденные почти бѣжать по крутому спуску, мы только на ходу могли набрать по букету изъ этой богатой флоры. Спустившись къ Ріону, мы вышли на дорогу, по которой ежеминутно встрѣчались ручьи и водопады. Черезъ узкій еще въ этомъ мѣстѣ Ріонъ переброшенъ мостъ, у котораго стоитъ сторожка. Мы подошли къ ней около 7-ми часовъ вечера и думали было тутъ заночевать, но сторожка оказалось тѣсной и грязной, что и заставило насъ продолжать путь дальше. И мы не пожалѣли, что такъ случилось: безподобные виды, открывшіеся передъ нами, навѣки останутся въ памяти каждаго изъ насъ. За названною сторожкой долина Ріона обрамляется горами, поросшими гигантскими темно-зелеными елями и пихтами, прямыми и стройными, какъ свѣчи; такихъ громадныхъ и красивыхъ хвойныхъ деревьевъ я нигдѣ еще не видѣлъ. Заходящее солнце набрасывало матовый золотистый флеръ на мощное зеленое царство, а надъ нимъ раскинулось бирюзовое небо, на которомъ рѣзкими штрихами вырисовывались бѣлоснѣжныя, алѣвшія подъ лучами заката вершины вѣчнаго снѣга. И это сочетаніе красокъ, эта мозаика солнца, неба, горъ, воды и растительности, эта мощь, это ве-

Рис. 23. Пріютъ на южной сторонѣ Мамисонскаго перевала.

и уѣхали впередъ, чтобы отыскать подходящее мѣсто. Долго послѣ этого шли мы, поглядывая наши арбы, а ихъ нѣтъ какъ нѣтъ! Вотъ уже и лѣсъ кончается; мы спустились къ берегу Ріона, а осетины словно сквозь землю провалились. Наконецъ мы увидѣли костеръ почти у самаго Ріона и здѣсь нашли нашихъ спутниковъ, выбравшихъ, на нашъ взглядъ, совсѣмъ неудобное мѣсто. На вопросъ, почему они не остановились въ лѣсу, у какого-нибудь водопада, опредѣленнаго отвѣта не послѣдовало. Но лошади были уже распряжены, и мы, набравъ массу дровъ, чтобы поддерживать костеръ цѣлую ночь, стали приготовлять чай. Неподалеку отъ нашего костра, за кустами, разложенъ былъ чей-то другой костеръ. Черезъ нѣсколько минутъ передъ нами, какъ изъ-подъ земли, предсталъ вооруженный милиціонеръ. Онъ нѣкоторое время молча смотрѣлъ на насъ, а затѣмъ объяснилъ свое появленіе тѣмъ, что не знаетъ, гдѣ бы пасти свою лошадь.

Заявленіе это показалось намъ довольно страннымъ, такъ какъ удивительно было, что мѣстный житель, да еще милиціонеръ, не знаетъ, гдѣ ему пасти лошадь. Когда онъ ушелъ, одна изъ нашихъ спутницъ вспоминала, что ей совѣтовали въ Закавказьѣ быть осторожнѣе, такъ какъ разбои здѣсь нерѣдки, при чемъ ими больше всего занимаются именно милиціонеры, организующіе цѣлыя шайки. Ни у кого изъ насъ не было никакого оружія, а потому уже одно такое сообщеніе, напомнившее намъ о событіяхъ, вычитанныхъ изъ газетъ, произвело на всѣхъ насъ непріятное впечатлѣніе, а когда возлѣ сосѣдняго костра мы вдругъ увидѣли цѣлую массу людей, неизвѣстно

откуда появившихся, то еще болѣе были обезпокоены.

Быть-можеть, въ концѣ-концовъ, мы остались бы ночевать подъ открытымъ небомъ, но одинъ изъ осетинъ нашихъ заявилъ, что милиціонеръ рекомендовалъ намъ отправиться до ближайшаго селенія, потому что онъ „не ручается за людей, собравшихся у костра“. Такого рода предупрежденіе объяснилось тѣмъ, что одного нашего товарища милиціонеръ принялъ за брата начальника въ мѣстечкѣ. Онъ и боялся, чтобы, въ случаѣ какого-либо недоразумѣнія, ему, милиціонеру, „не вышло непріятностей“. Ясно, что если бы не случайность, милиціонеръ, конечно, не оказалъ бы намъ такой любезности, и, Богъ вѣсть, какъ бы окончился нашъ первый ночлегъ въ Закавказьѣ. Получивъ такого рода извѣстіе, мы тотчасъ снялись съ лагеря и вслѣдъ за арбами отправились въ селеніе Глолу, расположенное всего въ 2-хъ верстахъ отъ мѣста нашего бивака. Пробираясь во тьмѣ, среди кустовъ, мы, слѣдуетъ признаться, чувствовали себя нѣкоторое время неладно, но скоро успокоились.

Въ 11 часовъ ночи прибыли въ селеніе и долгое время стучали въ двери казенной казармы, покуда намъ ее отворили. Ни слова не знавшій по-русски грузинъ не хотѣлъ сначала пускать насъ, и лишь при посредничествѣ нашего осетина намъ удалось проникнуть въ домъ, при чемъ оказалось, что грузинъ опасался за какія-то хранившіяся у него „бумаги“.

Благодаря позднему времени, мы улеглись спать не напившись чаю и не подкрѣпившись пищей; студентъ и приватъ-доцентъ остались ночевать

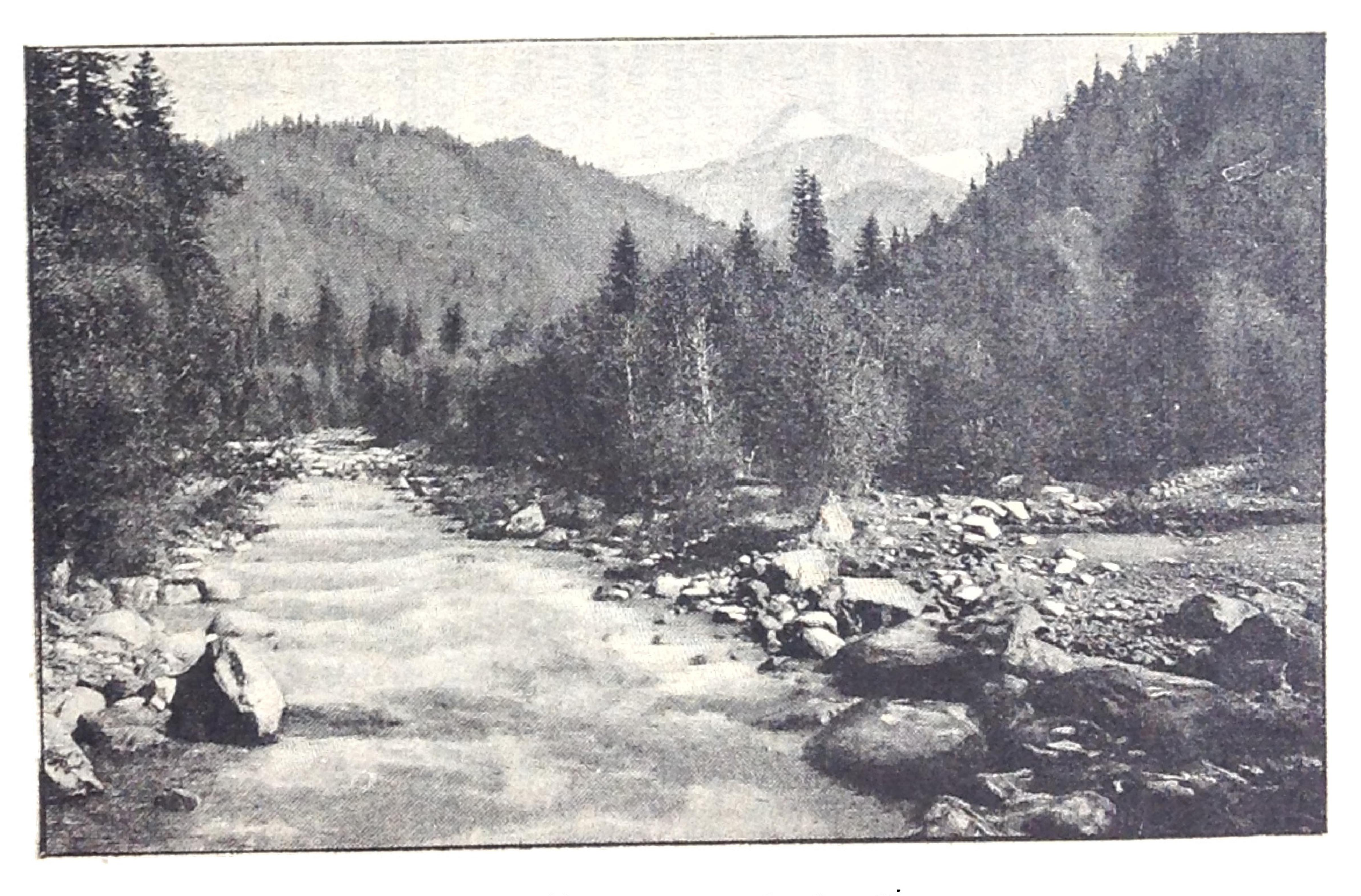

Рис. 26. Видъ въ долинѣ рѣки Ріона.

на арбѣ. За ночь порядочно озябнувъ, они на зарѣ явились въ казарму и стали будить остальныхъ, чѣмъ многіе изъ насъ были очень недовольны. Но, когда мы вышли изъ казармы, взорамъ предстали такіе прекрасные виды, что сонъ какъ рукой сняло.

Глола расположена въ зеленой долинѣ Ріона, окруженной со всѣхъ сторонъ веселыми лѣсистыми горами, изъ-за которыхъ выглядываютъ снѣжныя вершины. Въ самомъ селеніи въ Ріонъ бѣжитъ съ ближайшихъ горъ прекрасный ручей съ чистою, холодною водой. Близъ селенія на возвышенности видны развалины старинной церкви и двѣ высокія башни, напоминающія осетинскія. Въ прозрачномъ утреннемъ воздухѣ и зеленыя горы, и снѣжныя вершины вырисовывались особенно отчетливо и манили къ себѣ. Если изъ глубины долины открывались прелестныя картины, то, несомнѣнно, съ любой изъ окружающихъ горъ должна была открыться фантастическая панорама. Одинъ изъ нашихъ товарищей, приватъ-доцентъ, не выдержалъ, чтобы не взглянуть на панораму и, не предупредивъ, отправился одинъ на гору, высившуюся какъ разъ напротивъ казармы. Долго ждали мы его, не зная куда онъ исчезъ, и, въ концѣ-концовъ, оставивъ ему письмо въ казармѣ, отправились въ дальнѣйшій путь.

Дорога, какъ и наканунѣ вечеромъ, шла все берегомъ Ріона, по роскошной долинѣ, по сторонамъ которой непрерывно идетъ горная цѣпь; съ самаго основанія своего горы покрыты густымъ лѣсомъ, тянущимся до самаго мѣстечка Уцеры.

На 9-й верстѣ отъ Глолы имѣются черезъ Ріонъ два моста: старый—деревянный и новый—желѣз-

ный. Съ этихъ мостовъ съ поразительной отчетливостью, какъ на ладони, видны искрящіяся на солнцѣ дѣвственно-бѣлыя вершины Дыхъ-Тау и Каштанъ-Тау, о которыхъ мы говорили въ I-ой главѣ.

Отъ моста дорога круто поворачиваетъ влѣво. Спустя немного, мы приближаемся къ скалѣ, на которой изображена цифра 127.

Миновавъ далѣе одинъ за другимъ два водопада, мы около 10-ти часовъ утра достигли красивой развалины древней крѣпости; она расположена почти у самаго Ріона, съ лѣвой стороны дороги, а на правой сторонѣ ея высится мрачная скала, образовавшая здѣсь грозный обвалъ и нагромоздившая цѣлый хаосъ изъ черныхъ камней.

Не болѣе какъ черезъ четверть версты отъ развалинъ мы увидѣли два водопада, а неподалеку за ними расположено мѣстечко Уцера, находящееся въ 13-ти верстахъ отъ Глолы. Мы пришли въ Уцеру около 11-ти часовъ утра и впервые за 8 дней путешествія очутились въ культурномъ сравнительно мѣстѣ.

Уцера—очень миленькій уголокъ, съ хорошимъ видомъ на горы, богатою растительностью, среди которой особенно выдѣляются раскидистыя орѣховыя деревья. Неподалеку отъ мѣстечка имѣются два источника—углекислый и желѣзный. Источники достаточно извѣстны въ Закавказьѣ, для котораго Уцера является курортомъ, несомнѣнно, имѣющимъ будущность, особенно, когда въ немъ разовьется виноградарство, теперь только что зарождающееся. Въ настоящее время въ Уцерѣ имѣется нѣчто въ родѣ меблированныхъ комнатъ, въ которыхъ мы и рѣшили пообѣдать. Пріятно было

сѣсть за столъ, покрытый скатерью и уставленный приборами. Содержатель комнатъ, кажется, грузинъ, далъ намъ супъ и шашлыкъ. Мы такъ давно не обѣдали, что совершенно не могли быть компетентными судьями въ сужденіи о качествѣ блюдъ.

Пообѣдавъ, мы отправились за Уцеру, и тамъ въ долинѣ Ріона, подъ развѣсистымъ орѣхомъ, предались сладкому и глубокому сну. Проснувшись часа въ 4 пополудни и напившись чаю, отправились дальше къ мѣстечку Они, послѣднему пункту нашего пѣшаго хожденія.

Въ Уцерѣ заканчиваются лѣсистые великаны, и далѣе Ріонъ сопровождается уже менѣе высокими горами, поросшими кустарниками и до половины своей высоты обработанными. Картины природы въ этой части пути не такъ грандіозны,— онѣ болѣе мягки, но сплошь и рядомъ и здѣсь попадаются прелестные виды.

Такъ, очень красивый путь въ промежуткѣ между 3-й и 5-й верстой отъ Уцеры, гдѣ съ одной стороны дороги отвѣсныя скалы спускаются къ Ріону, а съ другой—онѣ высокимъ отвѣсомъ поднимаются надъ нею. На пятой верстѣ расположенъ аулъ Надѣты, возлѣ котораго черезъ Ріонъ выстроенъ мостъ. Перешедши его, мы спустились по кратчайшей дорогѣ, которая на 4 версты короче почтовой [1]). Проселочный путь этотъ усѣянъ камнями и изобилуетъ ручьями и рѣчками. Особенно много времени употребили мы, ища перехода, уже въ виду Они, черезъ рѣчку Сакауры, впадающую въ Ріонъ близъ мѣстечка.

---

[1]) По почтовой дорогѣ отъ Надѣты до Они 13 верстъ.

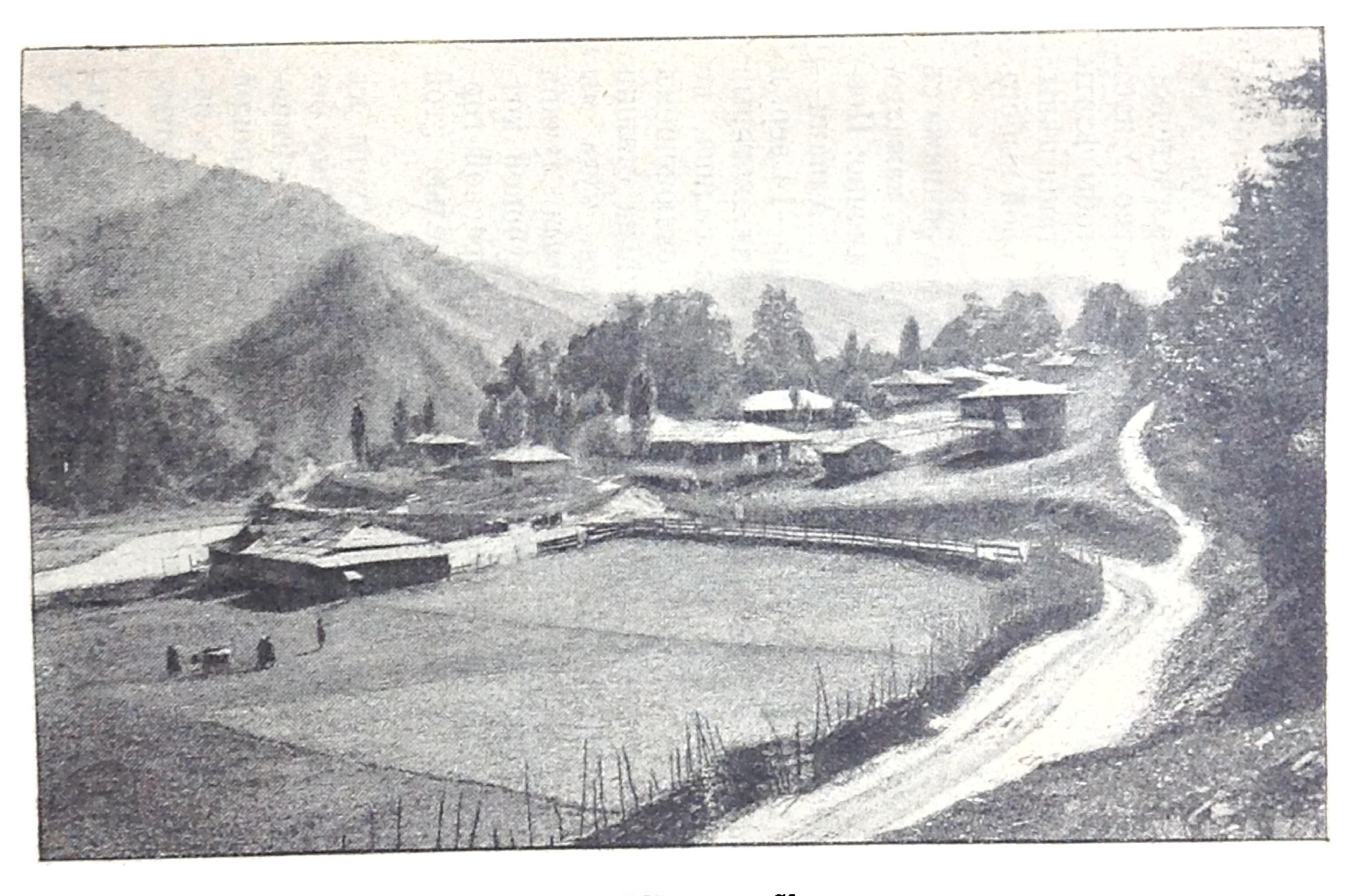

Рис. 27. Мѣстечко Уцера.

Въ названное большое торговое мѣстечко, населенное грузинами и евреями, мы прибыли въ восьмомъ часу вечера и остановились въ гостиницѣ. Въ Они кончался нашъ пѣшій путь. Алагирскіе осетины нанимаются лишь до этого мѣстечка, и наши арбы отправлялись отсюда обратно. У насъ была мысль нанять большую телѣгу, чтобы ѣхать всѣмъ вмѣстѣ, но съ насъ заламывали такія цѣны, что мы, въ концѣ-концовъ, остановили свой выборъ на почтовыхъ лошадяхъ.

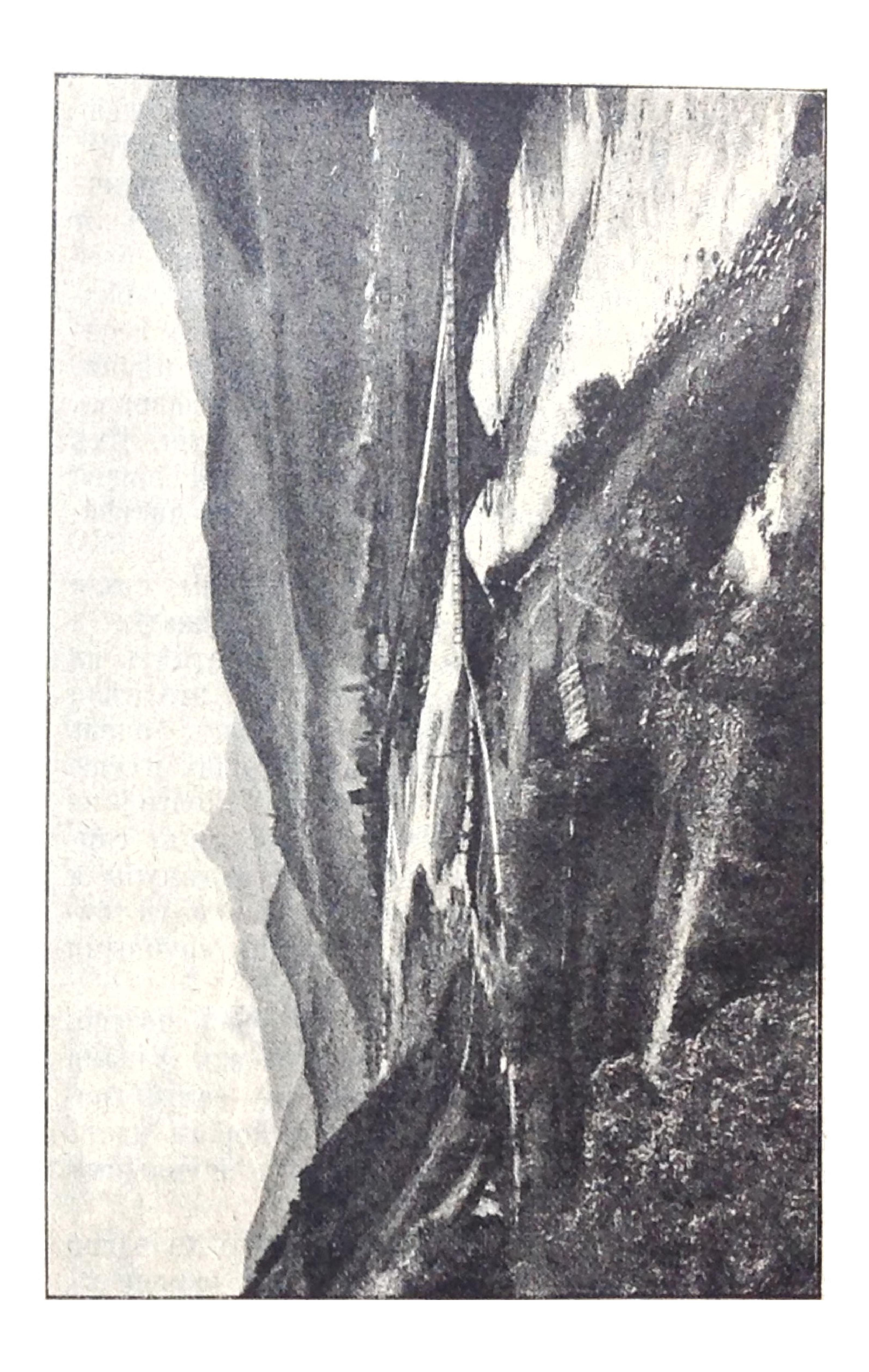
За 110 верстъ ѣзды до Кутаиса за два экипажа съ насъ взяли 35 руб., т.-е. по 3 р. 50 к. съ каждаго.

До Кутаиса отъ Они 6 станцій, а именно: Цесская—21 вер., Тольская — 21 [1]) вер., Алпани—15 вер., Мексени—17 вер., Намахвани—14 вер. и Кутаисъ—21 вер. Первыя двѣ станціи, которыя мы проѣхали подъ жгучими лучами солнца, не оставили особенныхъ впечатлѣній, за исключеніемъ отличнаго купанья въ горной рѣчкѣ на станціи Тольской, но третья станція, Алпани, куда мы прибыли подъ вечеръ, оставила самыя лучшія воспоминанія. Она расположена въ глубокой котловинѣ, среди высокихъ горъ, на прекрасной горной рѣчкѣ Ладжамури. По узкому ущелью этой рѣчки идетъ дорога въ Сванетію.

Въ Алпани очень хорошее купанье, хотя къ нему приходится пробираться по скалистому берегу Ладжамури, употребляя нѣкоторые гимнастическіе пріемы. Выкупавшись, мы на широкой террасѣ станціи напились чаю, поужинали, а затѣмъ стали распѣвать пѣсни. Слѣдуетъ замѣтить,

---

[1]) **Въ Тольской станціи заканчивается Рачинскій уѣздъ, Кутаисск. губ., тянущійся отъ Мамисонскаго перевала, а далѣе идетъ Лехчумскій уѣздъ, той же губерніи.**

что въ нашей компаніи нашлось нѣсколько сносныхъ мужскихъ голосовъ и два прелестныхъ женскихъ голоса (высокое сопрано и контральто), благодаря чему хоръ получился весьма приличный. Мы очень часто пѣли и на привалахъ и во время ѣзды на линейкѣ, но въ Алпани особенно разошлись, вѣроятно, благодаря прекрасному вечеру и поэтической природѣ этого селенія, названіе котораго, какъ и горной рѣчки, напоминало намъ Италію. Пѣли мы, главнымъ образомъ, мелодичныя малороссійскія пѣсни. Ихъ всѣ знали, несмотря на то, что половина нашей компаніи состояла изъ жителей Кавказа, чистѣйшихъ великороссовъ.

Было уже около полуночи, когда мы стали укладываться спать (женщины въ комнатѣ, а мужчины на террасѣ), какъ вдругъ въ отвѣтъ на наше пѣніе донесся хоръ изъ селенія: это пѣли имеретины. И большинству изъ насъ очень понравился этотъ хоръ, исполнявшій одну пѣсню за другой до глубокой полночи. Долго не могъ я уснуть, слушая имеретинскій хоръ, сливавшійся съ мелодичнымъ шумомъ Ладжамуры и глядя на синій небосклонъ, высившійся надъ темными горами и усѣянный яркими, крупными звѣздами.

Несмотря на то, что легли мы очень поздно, въ $4^1/_2$ часа утра мы уже выѣзжали изъ Алпани къ Меквени. Между этими станціями—самый громадный подъемъ и такой же спускъ. Дорога идетъ по страшной высотѣ, надъ Ріономъ, шумящимъ внизу.

Въ Меквени мы только выкупались въ холодной горной рѣчкѣ и тотчасъ же поѣхали дальше въ

Намахвани. Между этими станціями идетъ сплошной спускъ на разстояніи 14-ти верстъ, и мы мчались со страшной быстротой. Надо отдать справедливость ловковсти мѣстныхъ ямщиковъ, ихъ искусству, съ какимъ они на всемъ скаку дѣлали крутые повороты на узкомъ карнизѣ дороги, высѣченной въ скалахъ надъ глубочайшими пропастями. Слѣдуетъ замѣтить, что на этомъ переѣздѣ Ріонъ сдавливается скалами хребтовъ Накеральскаго и Хвамли, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поднимается на высоту до двухъ верстъ надъ уровнемъ моря.

Неподалеку отъ Намахвани проѣзжаемъ близъ рощи изъ темныхъ лавровъ, а въ двухъ верстахъ отъ станціи со скалы падаетъ великолѣпный водопадъ. Въ самой Намахвани цѣлыхъ двѣ горныхъ рѣчки, и мы, конечно, не преминули, чтобы не выкупаться въ одной изъ нихъ. За Намахвани—близко уже Кутаисъ, куда мы прибыли въ $2^1/_2$ часа пополудни 5 іюля.

Такимъ образомъ пѣшее путешествіе и проѣздъ по Военно-осетинской дорогѣ сдѣланы были нами ровно въ 10 дней. Отъ „Даргъ-Коха“ до Кутаиса онъ обошелся каждому изъ насъ съ пищею, арбами и ѣздою на почтовыхъ, остановками въ гостиницахъ всего по 13 р. съ копейками! А сколько получено удовольствія! Какія чудныя красоты природы мы видѣли! Какимъ воздухомъ дышали! Сколько силы и бодрости дала намъ эта дорога! И, испытавъ все это за гроши, въ буквальномъ смыслѣ слова, просто поражаешься, когда подумаешь, сколько россійскихъ обывателей, затрачивая солидныя суммы, торчатъ въ отвратительныхъ дачныхъ мѣстахъ, скученныхъ курортахъ, тоскуя и изнывая

отъ однообразія и неудобствъ дачно-курортной жизни!

На одной изъ ближайшихъ къ Кутаису станцій мы разстались съ нашими кавказскими пріятелями, которые всецѣло завоевали наши симпатіи за время пути по Военно-Осетинской дорогѣ, условившись и въ будущемъ дѣлать совмѣстныя путешествія. Остальные отправились дальше, въ Батумъ, куда прибыли вечеромъ 6 іюля, а въ 9 часовъ на почтовомъ пароходѣ „Ксенія" отправились на Ялту и Одессу. Лично я взялъ билетъ до Ялты, уплативъ за II классъ 13 р. 50 к. безъ продовольствія. Если прибавить эту цифру къ стоимости билета отъ Харькова (откуда я выѣхалъ) до ст. „Даргъ-Кохъ" — 9 руб. (III кл.), то весь путь (Харьковъ—Даргъ-Кохъ — Военно-Осетинская дорога—Батумъ—Ялта) обошелся мнѣ 35 р. 52 коп.! Прибавлю еще 10 руб. на проживаніе въ Кутаисѣ, провизію на пароходѣ и т. д., и выходитъ не более 46 р. А какое удовольствіе получено за эту небольшую сумму, если ко всему прибавить, что при переѣздѣ отъ Батума до Ялты является возможность осмотрѣть выдающіеся пункты Кавказскаго и Крымскаго побережья.

